

Н. БУХАРИН

ОТ КАПИТАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СОВЕТЫ ЧИТАТЕЛЮ

1. Для чтения следует отвести определенное время. Лучше читать ежедневно, в крайнем случае, 3—5 дней в неделю. Удобнее заниматься со свежей головой утром или после небольшого отдыха вечером. Отведенное для чтения время рекомендуется ничем другим не занимать. В помещении для занятий должен быть чистый воздух, хорошее освещение и тишина. Если дома нет этих условий, то лучше читать в клубе или библиотеке. Надо приучиться во время чтения ни о чем постороннем не думать.

2. Книги следует не читать, а **изучать**. Надо читать медленно, перечитывая по 2—3 раза отдельные места, стараясь уяснить, о чем идет речь. Если в книге имеются непонятные слова или места, то их следует записать в тетрадь, чтобы потом навести справку. При чтении следует уловить главные мысли автора, потом его второстепенные мысли, дальше — доказательства (факты), которыми автор подкрепляет свои мысли. По окончании главы главные мысли и доказательства коротенько записываются в тетрадь (такая запись называется конспект). В ту же тетрадь полезно заносить выписки, т. е. списать с книги из слова в слово те места, которые пригодятся в будущем.

3. Надо проверять автора, верны ли его мысли и доказательства. При чтении все время надо держать в голове вопрос: а так ли это на самом деле, в жизни; нет ли у тебя самого или в ранее читанных тобою книгах других мыслей, других фактов, о которых автор умалчивает.

Свои мысли по поводу причитанного следует записать в ту же тетрадь, где записаны непонятные места и конспект.

4. Лучше всего читать в одиночку, а потом (примерно, раз в неделю) собираться в небольшом кружке из 3—10 человек, читающих ту же книгу. В кружке, совместно с товарищами, можно повторять прочитанное за неделю, уяснять непонятные слова и места и обсудить те вопросы, которые возникли во время чтения. Если и после собрания в кружке останутся неясные вопросы, то в этом случае следует обратиться за разъяснением к более знающему товарищу.

ПОЛИТПРОСВЕТ ЦК РЛКСМ
ВТОРОЙ КРУГ ЧТЕНИЯ КОМСОМОЛЬЦА

Н. БУХАРИН

ОТ КАПИТАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

(ИЗ «АЗБУКИ КОММУНИЗМА»)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА—1925—ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в кол. 35.000
экз. в тип. „ДЕР ЭМЕС“
Москва, Покровка, 9.
Главлит № 41340.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Товарное хозяйство

Если присмотреться к тому, как ведется хозяйство при господстве капитала, то мы увидим, прежде всего, что здесь производятся *товары*. Ну, что же тут замечательного? — спросит кто-нибудь. А замечательного тут то, что товар, это — не просто любой продукт, а тот, который производится на *рынок*.

Продукт не есть товар, когда он производится для себя, для собственного употребления. Если крестьянин сеет рожь, собирает урожай, а потом молотит, смалывает зерно и печет хлеб для себя, этот хлеб — вовсе не товар: он просто хлеб. Товаром он будет только тогда, когда его начнут покупать и продавать, когда, значит, он будет производиться на покупателя, на рынок; кто купит, того он и будет.

При капиталистическом строе все продукты производятся на рынок, все они становятся товарами. Каждая фабрика, завод или мастерская производят обыкновенно только один какой-нибудь продукт, и всякий поймет сразу, что здесь продукт производится не для себя. Когда владелец бюро похоронных процессий имел мастерские, где выделывались гробы, ясно было, что он эти гробы готовил не для себя и своего семейства, а на рынок. Когда фабрикант производил касторку, то опять таки ясно, что даже если бы он

ежедневно страдал расстройством желудка, и то он не мог бы потребить и самой маленькой доли того количества касторки, которое выпускала его фабрика. Но точно так же обстоит дело при капитализме и со всеми производствами, какое ни возьми.

На пуговичной фабрике выделываются пуговицы, но эти миллионы пуговиц производятся не для того, чтобы их пришивали к жилетке пуговичного фабриканта, а для продажи. Все, что производится в капиталистическом обществе, производится на рынок; туда поступают и перчатки, и вареная колбаса, и книжки, и вакса, и машины, и водка, и хлеб, и сапоги, и ружья — словом, все, что производится.

Товарное хозяйство обязательно предполагает *частную собственность.* Ремесленник и кустарь, который производит товары, владеет своей мастерской и своими инструментами; фабрикант и заводчик — своей фабрикой и заводом со всеми пристройками, машинами и прочим добром. А когда есть частная собственность и товарное хозяйство, то всегда есть борьба за *покупателя,* или *конкуренция* между продавцами. Даже когда не было фабрикантов, заводчиков, крупных капиталистов, а были лишь одни трудовые ремесленники, то эти ремесленники вели между собой борьбу за покупателя. И кто был покрепче, покряжистее, кто имел лучшие инструменты и был ловчее, а особенно, кто деньжонок понакопил, тот всегда оказывался наверху, покупателя отбивал себе, других ремесленников разорял, сам лез в гору. Значит, мелкая трудовая собственность и основанное на ней товарное хозяйство таили *в себе зародыши крупной собственности и разорение многих.*

Итак, первым признаком капиталистического строя является товарное хозяйство, т.-е. хозяйство, производящее на рынок.

Монополизация средств производства классом капиталистов

Один признак товарного хозяйства еще недостаточен для капитализма. Может быть такое товарное хозяйство, когда нет никаких капиталистов: таково, например, хозяйство трудовых ремесленников. Они производят на рынок, свои продукты продают; эти их продукты являются, следовательно, товарами, а все производство — товарным производством. И тем не менее, это еще не будет капиталистическое производство, а всего-на-всего *простое товарное производство.* Чтобы простое товарное производство перешло в производство *капиталистическое,* нужно еще превращение *средств производства* (орудий, машин, зданий, земли и т. д.) *в собственность немногочисленного класса богачей-капиталистов,* с одной стороны, разорение большого числа самостоятельных ремесленников и крестьян и превращение их в рабочих — с другой.

Мы уже видели, что простое товарное хозяйство таит в себе зародыш разорения одних и обогащения других. Это и оправдалось на деле. Во всех странах трудовые ремесленники и мелкие хозяйчики в большей своей части разорялись. Кто был победнее, продавал в конце концов свой «струмент», из хозяйчика превращался в человека, у которого ровно ничего нет, кроме пары рук. А те, кто был побогаче, стали еще богаче; они свои мастерские перестроили, расширили, поставили лучшие станки, а потом и машины, стали нанимать много рабочих, превратились в фабрикантов.

Мало-по-малу в руках этих богачей очутилось все, что нужно для производства: фабричные здания, машины, сырье, товарные склады и магазины, дома, заводы, рудники, железные дороги, пароходы, земля, — словом, все, без чего нельзя производить. Все эти

средства производства стали исключительной собственностью класса капиталистов (или, как говорят, «монополией» класса капиталистов). Кучка богатых владеет всем; громадное количество бедняков владеет только рабочими руками. *Эта монополия класса капиталистов на средства производства есть второй признак капиталистического строя.*

Наемный труд

Многочисленный класс людей, которые остались без всякой собственности, превращался в наемных рабочих капитала. В самом деле, что оставалось делать разорившемуся крестьянину или ремесленнику? Либо наниматься в батраки к капиталисту-помещику, либо итти в город и там наниматься на фабрику или завод. Другого выхода не было. Так возник *наемный труд — третий признак капиталистического строя.*

Что же такое наемный труд? Когда раньше были крепостные или рабы, тогда каждого крепостного или раба можно было продать и купить. Люди, с кожей, волосами, ногами и руками, были частной собственностью господ. Господин запаривал на конюшне своего крепостного до-смерти точно так же, как, скажем, напившись, ломал стул или кресло. Крепостной или раб были простой вещью. У древних римлян господское добро, нужное для производства, так и делилось на «немые орудия» (вещи), «орудия полуговорящие» (рабочий скот, овцы, коровы, быки и т. д., — словом, те, кто мог мычать) и «орудия говорящие» (рабы, люди). И лопата, и бык, и раб были для господина в одинаковой степени орудием, которое он мог продать, купить, уничтожить и истребить.

При *наемном труде* сам человек не продается и не покупается. Продается и покупается только его *рабочая сила,* не сам человек, а его трудовая способ-

ность. Наемный рабочий лично свободен; фабрикант не может его выпороть на конюшне или продать своему соседу, или выменять на борзого щенка, что было возможно при крепостном праве. Рабочий сам только *нанимается*. По видимости, выходит даже, что капиталист и рабочий как будто бы и равны: «не хочешь— не работай, никто тебя не неволит», так говорят господа фабриканты. Они даже утверждают, что кормят рабочих, дают им работу.

На самом деле, конечно, рабочие и капиталисты находятся вовсе не в одинаковых условиях. Рабочие привязаны *цепью голода*. Голод *заставляет* их наниматься, т.-е. продавать свою рабочую силу. Для рабочего нет другого выхода, он выбрать ничего не может. Голыми руками «свое» производство вести нельзя; попробуй-ка без машин и инструментов лить сталь и ткать, или строить вагоны! Да, даже и земля сама вся при капитализме в частных руках; становиться негде, чтобы хозяйство вести. Свобода торговли рабочей силой, свобода для капиталиста покупать ее, «равенство» капиталиста и рабочего — все это на самом деле есть цепь голода, *заставляющая трудиться на капиталиста*.

Таким образом, сущность наемного труда состоит в продаже рабочей силы, или в *превращении рабочей силы в товар*. В простом товарном хозяйстве, о котором шла речь раньше, на рынке можно было встретить молоко, хлеб, ткани, сапоги и т. д., но нельзя было встретить рабочей силы: рабочая сила не продавалась. Ее собственник, ремесленник, имел, кроме нее, еще и домишко и инструменты. Он сам работал, вел свое трудовое хозяйство: свою собственную рабочую силу пускал в ход в своем же хозяйстве.

Совсем иное при капитализме. Здесь тот, кто работает, не имеет средств производства; он не может употребить свою рабочую силу в своем же хозяйстве:

он должен, чтобы не умереть с голоду, продать ее капиталисту. Образуется наряду с рынком, где продают хлопок, сыр или машины, также и *рынок труда,* где пролетарии, т.-е. наемные рабочие продают свою рабочую силу. *Следовательного, от простого товарного хозяйства капиталистическое хозяйство отличается тем, что в капиталистическом хозяйстве товаром становится и сама рабочая сила.*

Итак, третьим признаком капиталистического строя является наемный труд.

Капиталистические производственные отношения

Признаками капиталистического строя являются, следовательно, три признака: *производство на рынок (товарное производство); монополизация средств производства классом капиталистов; наемный труд, т.-е. труд, основанный на продаже рабочей силы.*

Все эти признаки касаются вопроса, *в каких отношениях друг к другу стоят люди, когда они производят продукты и распределяют их.* Когда говорят «товарное хозяйство» или «производство на рынок», что это означает? Это означает, что люди трудятся друг на друга, но каждый производит в своем хозяйстве на рынок, заранее не зная, кто у кого купит товар. Предположим, что у нас есть ремесленник Иванов и крестьянин Сидоров. Ремесленник Иванов несет на базар сапоги, которые он выделывает и продает их Сидорову, а на вырученные деньги покупает у Сидорова хлеб. Иванов, когда шел на рынок, не знал, что он там встретит Сидорова, а Сидоров не знал, что он встретит там Иванова; и тот и другой просто шли на рынок. Когда Иванов купил хлеб, а Сидоров сапоги, вышло так, что Сидоров работал на Иванова,

а Иванов на Сидорова, только это сразу не видно. Тут рыночная толчея скрывает от людей, что они, в сущности, работают друг на друга и друг без друга не могут жить. При товарном хозяйстве люди трудятся друг для друга, но неорганизованно и независимо друг от друга, сами не зная, насколько они друг другу нужны. При товарном производстве люди, следовательно, расставлены на особый манер, находятся в *определенных отношениях* друг к другу; здесь, значит, идет речь об отношениях между людьми.

Когда говорят: «монополизация средств производства» или «наемный труд», тогда точно также речь идет об отношениях между людьми. В самом деле, что означает эта «монополизация»? Она означает, что люди трудятся при таких условиях, что те, кто работают, работают на чужих средствах производства; что трудящиеся подчинены собственникам этих средств производства, т.-е. капиталистам, и т. д. Словом, здесь тоже речь идет о том, в каких отношениях стоят люди друг к другу, когда они производят продукты. Эти отношения между людьми во время (в процессе) производства называются *производственными отношениями.*

Нетрудно видеть, что производственные отношения вовсе не всегда были одинаковы. Когда-то, очень давно, люди жили небольшими общинами, сообща, по-товарищески, работали (охотились, ловили рыбу, собирали плоды и коренья), а потом все между собой делили. Это — одни производственные отношения. Когда было рабство, были другие производственные отношения. При капитализме — третьи, и так далее. Следовательно, бывают разные виды *производственных отношений.* Эти виды производственных отношений называются *экономическим строением (структурой) общества* или *способом производства.*

«Капиталистические производственные отношения», или, что то же самое, «капиталистическая структура общества» или «капиталистический способ производства», — это отношения между людьми при товарном хозяйстве, монопольном владении средствами производства со стороны кучки капиталистов и наемном труде рабочего класса.

Эксплоатация рабочей силы

Возникает вопрос, для чего и почему класс капиталистов нанимает рабочих. Всякий знает, что это происходит совсем не потому, что фабриканты хотят накормить голодных рабочих, а потому, что они хотят *выжать из них прибыль*. Из-за прибыли строит фабрикант свою фабрику, из-за прибыли нанимает рабочих, из-за прибыли нюхает повсюду, где дороже дают. Прибыль движет всеми его расчетами. В этом тоже очень любопытная черта капиталистического общества. Здесь, ведь, не само общество производит, что ему нужно и полезно, а *класс капиталистов* заставляет производить рабочих то, за что больше дают, за что можно выручить *большую прибыль*. Водка, напр., очень вредная вещь, и спирт можно было бы производить только для технических целей и на лекарства. Но во всем мире капиталисты производят его изо всех сил. Почему? Потому что от спаивания народа получается большая прибыль.

Но нам нужно выяснить, как же получается эта прибыль. Для этого рассмотрим вопрос подробнее. Капиталист получает прибыль в виде денег тогда, когда он продал товар, производимый у него на фабрике. Сколько денег он выручит *за свой товар?* Это зависит *от цены товара*. Возникает теперь вопрос, чем эта цена определяется, почему на один товар она высокая, на другой низкая. Нетрудно заметить, что

если в каком-нибудь производстве ввели новые машины и труд там стал успешнее, или, как говорят, он стал *производительнее,* то цена на товар падает. Наоборот, когда производство затруднено, товаров добывается мало, труд малоуспешен или малопроизводителен, тогда цена на товар повышается[1]). Много труда нужно обществу ухлопать в среднем на то, чтобы выделать штуку товара, — его цена стоит высоко; мало труда приходится затрачивать, — цена низкая. *Количество общественного труда при средней технике* (т.-е. не при самих лучших и не при самых худших машинах и орудиях), *затраченное на производство товара, называется ценностью (или стоимостью) этого товара.* Теперь мы видим, что цена определяется ценностью. В действительности цена бывает то выше, то ниже ценности, но для простоты можем считать, что это одно и то же.

Теперь вспомним, что мы говорили о найме рабочих. Наем рабочих, это — продажа особого товара, имя которому — рабочая сила. Но раз рабочая сила попала в товары, то, что годится для всех товаров, годится и для нее: «назвался груздем, полезай в кузов». Когда капиталист нанимает рабочего, он выплачивает ему цену его рабочей силы (или ценность ее, для простоты). Чем эта ценность определяется? Мы видели, что она у всех товаров определяется количеством труда, затраченного на нее производством. Это же годится и *для рабочей силы.*

---

[1]) Мы тут не говорим об изменении цен в зависимости от денег: много их или мало, золотые они или бумажные. Эти изменения могут быть очень большими, но тогда они отражаются на *всех* товарах сразу, что не об‘ясняет *разницы* в ценах на один товар и на другой. Например, большое количество бумажек страшно вздуло цены во всех странах. Но эта всеобщая дороговизна не об‘ясняет, почему один товар стоит дороже другого.

Но что значит производство рабочей силы? Ведь, рабочая сила не производится на фабрике: она не холст, не вакса, не машина. Как же это понять? Достаточно поглядеть на настоящую жизнь при капитализме, чтобы сообразить в чем дело. Предположим, что рабочие только что кончили работу. Они измотались, из них выжаты все соки, они работать больше не могут. Их рабочая сила почти израсходована. Что нужно, чтобы ее восстановить? Поесть, отдохнуть, поспать, поддержать свой организм и тем «восстановить свои силы». После этого появляется и возможность работать, способность работать или *рабочая сила*. Значит, пища, одежда, жилище и т. д., — словом, *потребление рабочего и есть производство рабочей силы*. Но сюда входят и такие вещи, как издержки на обучение; оно нужно, если это — особо обученные рабочие и т. д.

Все, что потребляет рабочий класс, восстанавливая свою рабочую силу, имеет ценность. Следовательно, ценность предметов потребления, а также издержки на обучение *и составляют ценность рабочей силы*. Разные товары и имеют разную ценность. Точно так же и разного рода рабочая сила имеет разную ценность. Рабочая сила типографа — одно, чернорабочего — другое.

Теперь вернемся на фабрику. Капиталист покупает сырье, топливо для фабрики, машины, масло для их смазки и другие необходимые вещи; потом он покупает рабочую силу, «нанимает рабочих». За все он выплачивает чистоганом. Начинается производство. Рабочие работают, машины вертятся, топливо сгорает, масло расходуется, фабричное здание снашивается, рабочая сила истощается. Зато из фабрики выползает новый товар. Этот товар, как и все товары, имеет ценность.

Какова эта ценность? Во-первых, он впитал в себя ценность затраченных средств производства, то, что пошло на него — сырой материал, израсходованное топливо, сношенные части машин и т. д. Все это вошло теперь в ценность товара. Во-вторых, сюда вошел труд рабочих. Если рабочие потратили на изготовление товара 30 часов и рабочих было 30 человек, то они потратили 900 рабочих часов; полная ценность выпущенного товара будет, значит, состоять из ценности затраченных материалов (пусть, к примеру, эта ценность равняется 600 часам) и из новой ценности, которую прибавили своим трудом рабочие (900 часов), т.-е. она будет равна (600+900)=1500 рабочим часам.

Но сколько *капиталисту* самому стоит этот товар? За сырье он выплатил все, то-есть заплатил сумму денег, соответствующую по своей ценности 600 рабочим часам. А за рабочую силу? Заплатил ли он все 900 часов? Вот тут и кроется загадка всего. Он заплатил, по нашему предположению, полную ценность *рабочей силы* за дни работы. Если 30 рабочих работали 30 часов: три дня по 10 часов в день, то фабрикант им заплатил сумму, необходимую на восстановление их рабочей силы за эти дни. Какова же эта сумма? Ответ ясен: она гораздо меньше 900. Почему? Потому, что одно дело — то количество труда, которое нужно для поддержания моей рабочей силы, другое дело — то количество труда, которое я могу доставить. В день я могу работать 10 час. А проесть, проносить одежды и проч. мне нужно за день предметов, ценность которых всего-на-всего равна 5 часам. Значит, я могу работать больше, чем идет труда на поддержание моей рабочей силы. В нашем примере, скажем, рабочие проедают, пронашивают и т. д., за три дня предметов ценностью в 450 рабочих часов, а дают труда 900 часов: 450 часов остаются

капиталисту; они и *составляют источник его прибыли.* В самом деле, капиталисту стоил товар, как мы видели, (600+450) = 1050 часов, а продает он его за ценность в (600+900) = 1500 часов; 450 час. есть *прибавочная ценность,* создаваемая рабочей силой. Выходит, что половину рабочего времени (при 10-ти часовом рабочем дне — 5 час.) рабочие трудятся, восстанавливая то, что они потратят на себя, а другую половину они тратят целиком на капиталиста.

Посмотрим теперь на все общество. Ведь нам интересно, что делает отдельный фабрикант или отдельный рабочий. Нам интересно, как устроена эта гигантская машина, имя которой — капиталистическое общество. Класс капиталистов нанимает громадный по своей численности класс рабочих. В миллионах фабричных зданий, на шахтах, в рудниках, в лесах, на полях трудятся, как муравьи, сотни миллионов рабочих. Капитал выплачивает им их заработную плату, ценность их рабочей силы, постоянно восстанавливающую эту рабочую силу для услуг капиталу. Но рабочий класс своим трудом не только оплачивает сам себя, но и создает *доходы высших классов,* создает *прибавочную ценность.* Тысячью ручейков растекается эта прибавочная ценность по карманам господствующих: часть ее идет капиталисту самому — это предпринимательская прибыль; часть идет помещику-землевладельцу; часть поступает в виде налогов капиталистическому государству, часть — торговцам, купцам, лавочникам, церквам, публичным домам, артистам и клоунам, писакам буржуазии и т. д. За счет этой прибавочной ценности живут все паразиты, которых разводит капиталистический строй.

Но часть прибавочной ценности капиталисты снова пускают в дело. Они присоединяют ее к своему капиталу — капитал увеличивается. Они расширяют свои предприятия. Они нанимают больше рабочих. Они

ставят лучшие машины. Большее количество рабочих создает им еще большую прибавочную ценность. Капиталистические предприятия снова растут и увеличиваются. Так с каждым поворотом времени, *накапливая* прибавочную ценность, движется капитал все вперед и вперед. Выжимая прибавочную ценность из рабочего класса, *эксплоатируя* его, капитал возрастает непрестанно в своей *величине*.

Капитал

Теперь мы видим ясно, что такое капитал. Прежде всего это — определенная ценность, в форме ли денег, или форме машин, сырья, фабричных зданий, или же в форме готового товара. Но это ценность такая, которая служит для производства новой ценности, для производства *прибавочной ценности*. Капитал есть *ценность, производящая прибавочную ценность. Капиталистическое производство есть производство прибавочной ценности*.

В капиталистическом обществе машины и фабричные здания являются капиталом. Но всегда ли машины и здания являются капиталом? Конечно, нет. Если бы было товарищеское хозяйство всего общества, которое производило бы все для себя, тогда ни машины, ни сырье не были бы капиталом, потому что они не были бы средством выкачивать *прибыль* для кучки богачей. Значит, машины, например, становятся капиталом *только тогда,* когда они находятся в частной собственности класса капиталистов, когда они служат условием для эксплоатации наемного труда, для производства прибавочной ценности. Не важна здесь *форма* ценности: эта ценность может быть в виде золотых кружочков — монет или бумажных денег, за которые капиталист покупает средства производства и рабочую силу; эта ценность

может быть в форме машин, на которых работают рабочие; или сырья, из которого они выделывают товар; или готового товара, который потом будет продан. *Но раз эта ценность служит делу производства прибавочной ценности, она есть капитал.*

Обыкновенно капитал постоянно сбрасывает с себя одну кожу и влезает в другую. В самом деле. Посмотрим, как совершается это переодевание.

I. Капиталист еще не купил рабочей силы и средств производства. Но он горит желанием принанять себе работников, запастись машинами, достать сырье первый сорт, угля, чтобы хватило для работы и прочего. У него в руках пока ничего, кроме денег. Здесь капитал выступает в его *денежной* оболочке.

II. С этим денежным запасцем капиталист марширует (не сам, конечно, для этого есть телефон и телеграф, сотни слуг и т. д.) на рынок. Тут происходит закупка средств производства и рабочей силы. На фабрику капиталист возвращается без денег, но с рабочими, с машинами, сырьем, топливом. Теперь все эти вещи — уже не товар. Они перестали быть товаром: дальше в продажу они не идут. Денежки превратились в средства производства и рабочую силу: денежная оболочка сброшена, теперь капитал перед нами — в форме *промышленного* капитала.

После этого начинается работа. Двигаются машины, вертятся колеса, бегают рычажки, обливаются потом рабочие и работницы, машины снашиваются, сырье расходуется, рабочая сила исчерпывается. Тогда—

III. Все это сырье, сношенные части машины, рабочая сила, в действии своем дающая труд, превращается мало-по-малу в товарные кипы. Здесь вещественная оболочка фабричных принадлежностей снова слезает с капитала, и капитал высту-

пает в виде товарной кучи. Это — капитал в его *товарной* форме. *Но здесь, после производства, он не только переменил свою кожуру. Он еще увеличился в своей ценности, ибо за время производства наросла прибавочная ценность.*

IV. Однако, капиталист заставляет производить товар не для собственного потребления, а на рынок, для продажи. То, что накопилось на его фабричном складе, должно быть продано. Вначале капиталист шел на рынок, как покупатель. Теперь он должен итти, как продавец. Вначале у него на руках были деньги, и он хотел получить товар (средства производства). Теперь у него на руках товар, а он хочет получить деньги. Когда его товар продается, то капитал из своей *товарной* формы вновь перепрыгивает в форму *денежную*. Но количество денег, которое получает капиталист, отличается от того количества, которое он вначале отдавал, тем, *что оно больше на всю величину прибавочной ценности.*

На этом движение капитала не заканчивается. Увеличенный капитал снова пускается в ход, получается еще большее количество прибавочной ценности. Эта прибавочная ценность в известной доле присоединяется к капиталу и начинает новый круг и т. д. Капитал, как снежный ком, катится дальше и дальше, и с каждым поворотом на него налипает все большее количество прибавочной ценности. Это значит, что растет и ширится капиталистическое производство.

Так высасывает капитал прибавочную ценность из рабочего класса и распространяется повсюду. Его быстрый рост об'ясняется его особенными свойствами. Ведь, эксплоатация одних классов другими была и раньше. Но возьмем, например, помещика при крепостном праве или рабовладельца в древности. Они сидели верхом на своих крепостных и рабах. Но все, что

те производили, они проедали, пропивали, пронашивали либо сами, либо их дворня и многочисленные приживальщики. Товарное производство было развито слабо. *Продать* было некуда. Значит, если бы помещик или рабовладелец заставили своих крепостных или рабов напроизводить горы хлеба, мяса, рыбы и т. д., все это у них *сгнило* бы. Производство здесь ограничивалось потребностями желудка помещика и его челяди. Совсем другое — при капитализме. Здесь производство ведется не ради удовлетворения потребностей, а для *прибыли. Здесь* производится товар, чтобы его продать, чтобы выручить, чтобы *накоплять* прибыль. Чем ее больше, тем лучше. Отсюда у капиталистического класса безумная погоня за прибылью. Эта жажда не знает границ. Она есть стержень, главный двигатель капиталистического производства.

Капиталистическое государство

Капиталистическое общество основано, как мы видели, на эксплоатации рабочего класса. Кучка владеет всем; большинство рабочих не владеет ничем. Капиталисты повелевают. Рабочие повинуются. Капиталисты эксплоатируют. Рабочие эксплоатируются. Вся суть капиталистического общества и состоит в этой беспощадной, все увеличивающейся эксплоатации.

Капиталистическое производство, это — действующий насос для выкачивания прибавочной ценности.

Как же держится до поры, до времени этот насос? Каким образом терпят рабочие такое положение вещей?

На этот вопрос сразу ответить трудно. Но, в общем, дело сводится к двум причинам: во-первых, к организованности и силе в руках класса капиталистов; во-вторых, к тому, что буржуазия часто владеет мозгами рабочего класса.

Самым верным средством в этом деле служит для буржуазии ее *государственная организация.* Во всех капиталистических странах государство есть не что иное, как *хозяйский союз.* Возьмем любую страну: Англию или Соединенные Штаты, Францию или Японию. Министрами, высшими чиновниками, депутатами всюду состоят те же капиталисты, помещики, заводчики, банкиры или же их верные, хорошо оплачиваемые слуги, которые преданы им не за страх, а за совесть: адвокаты, директора банков, профессора, генералы, архиереи и епископы.

Союз всех этих людей, принадлежащих к буржуазии, который охватывает всю страну целиком и держит ее в своих лапах, и называется государством. Эта организация буржуазии имеет своею целью две вещи: главная цель — это *подавлять беспорядки и восстания рабочих, обеспечивать спокойное выжимание из рабочего класса прибавочной ценности, способствовать укреплению капиталистического способа производства;* вторая задача — это бороться с другими такими же организациями (т.-е. с другими буржуазными государствами), за дележку выжимаемой прибавочной ценности. Итак, капиталистическое государство есть хозяйский союз, обеспечивающий эксплоатацию. *Интересы капитала и только интересы капитала — вот чем руководится в своей деятельности этот разбойничий союз.*

Капиталистическое государство есть не только самая большая и самая могущественная организация буржуазии, она в то же время есть самая *сложная* организация, имеющая многочисленные отделы, от которых идут щупальцы во все стороны. И все это своей главной целью имеет охрану, укрепление и расширение *эксплоатации рабочего класса.* Против рабочего класса имеются и средства грубого принуждения и сред-

ства духовного порабощения; они и составляют важнейшие органы капиталистического государства.

Из средств грубого принуждения необходимо отметить, прежде всего, *армию, полицию и жандармерию, тюрьму и суд,* а также их подсобные органы: шпионов, провокаторов, организации штрейкбрехеров, наемных убийц и т. д.

Армия устроена в капиталистическом государстве на особый манер. Во главе стоит офицерский корпус — «золотопогонники». Они набираются из сыновей дворян-помещиков, крупной буржуазии и отчасти интеллигенции. Это — свирепые классовые враги пролетариата, которые еще с мальчишеского возраста обучались в специальных школах (у нас в кадетских корпусах и юнкерских училищах), как бить солдатам морду, беречь «честь мундира», т.-е. держать в полном рабстве солдат и делать из них пешек. Самые матерые из дворян, помещиков и крупной буржуазии — в генералах, адмиралах, при чинах, орденах и лентах.

Офицеры тоже не из бедных. *Они держат в своих руках всю массу солдат.* А солдат обрабатывают так, чтобы они и не спрашивали, за что им сражаться, а только «ели глазами начальство». Такая армия предназначена для усмирения рабочих в первую голову.

Полиция и жандармерия. Капиталистическое государство, кроме обычной армии, имеет еще армию отборных мошенников и особо вышколенные войска, специально приспособленные для борьбы с рабочими. Правда, эти учреждения (например, полиция) имеют своей целью также и борьбу с воровством и защиту так называемой, «личной и имущественной безопасности граждан», но в то же время государство капиталистов держит их для вылавливания, преследования и наказания недовольных рабочих. В России городовые были самыми надежными защитниками помещиков и царя. Особенно зверски действует во всех капитали-

стических государствах тайная полиция («политическая полиция», у нас звалась «охранкой») и корпус жандармов. С ними вместе работает и целый штат сыщиков, провокаторов, тайных шпионов, штрейкбрехеров и т. д.

Суд в буржуазном государстве есть средство классовой самозащиты буржуазии; в первую голову он расправляется с теми, кто посягает на капиталистическую собственность или на капиталистический строй. Либкнехта этот суд присуждал к каторге, убийц Либкнехта оправдывал. *Тюремное государственное ведомство* осуществляет эту расправу, равно как и палачи буржуазного государства. Не против богатых, а против бедных направлено их острие.

Таковы отделы капиталистического государства, которые заведуют прямым грубым подавлением рабочего класса.

Из средств *духовного порабощения* рабочего класса, находящихся в распоряжении государства капиталистов, нужно упомянуть три главные: *государственную школу, государственную церковь и государственную* или поддерживаемую буржуазным государством *печать*.

Буржуазия отлично понимает, что одним голым насилием ей с рабочими массами не совладать. Нужно, чтобы и мозги рабочей массы были опутаны со всех сторон тонкой паутиной. Буржуазное государство смотрит на рабочих, как на рабочий скот: нужно, чтоб он, этот скот, работал, но не кусался. А потому нужно его не только стегать и стрелять, когда он кусается, но и дрессировать его, укрощать, как делают это в зверинцах специальные люди. Точно так же и *государство* капиталистов воспитывает таких специалистов по одурачиванию, одурманиванию и укрощению пролетариата: буржуазных учителей и профессоров, попов и епископов, буржуазных писак и газетчиков. В школе эти специалисты учат с малых лет детей

повиноваться капиталу, презирать и ненавидеть «бунтовщиков»; детям преподносят разные сказки про революцию и революционное движение, хвалят царей, королей и промышленников и т. д.; попы в церквах, получающие оклады от государства, приучают к заповеди «несть бо власть, аще не от бога», буржуазные газеты день изо дня трубят в оба уха буржуазную ложь (рабочие газеты капиталистическое государство обыкновенно закрывает). Разве легко при таких условиях рабочему вылезти из этой трясины?.. Один немецкий империалист-разбойник писал: «Нам нужны не только ноги солдат, но их ум, сердце». Буржуазное государство и стремится воспитать из рабочего класса *ручное животное,* которое бы работало, как лошадь, приносило прибавочную ценность и вело себя тише воды, ниже травы.

Таким образом, капиталистический строй обеспечивает себе свой ход. Движется машина эксплоатации. Из рабочего класса выжимается беспрестанно прибавочная ценность. А на страже стоит капиталистическое государство и надзирает, чтобы не было возмущения наемных рабов.

Основные противоречия капиталистического строя

Необходимо теперь посмотреть, насколько хорошо или плохо сколочено капиталистическое, буржуазное общество. Всякая вещь тогда прочна и хороша, когда все ее части плотно пригнаны одна к другой. Возьмем часовой механизм. Он правильно и без задержек работает тогда, когда одно колесо пригнано к другому, зубчик в зубчик.

Взглянем теперь на капиталистическое общество. Здесь мы без труда заметим, что это капиталистиче-

ское общество сколочено далеко не так прочно, как кажется. Наоборот, оно таит в себе огромные противоречия, в нем есть громадные трещины. Прежде всего— при капитализме *нет организованного производства и распределения продуктов, а есть «анархия производства»*. Что это значит? Это значит то, что каждый предприниматель-капиталист (или союз капиталистов) производит товар независимо один от другого. Не то, чтобы все общество высчитывало, сколько ему чего нужно, а просто-на-просто фабриканты заставляют производить с таким расчетом, чтобы получить больше прибыли и побить своих соперников на рынке. Поэтому происходит иногда то, что товара производится слишком много (речь идет, конечно, о довоенном времени), сбыть его некуда (рабочие купить не могут: у них нет достаточно денег). Тогда наступает *кризис*, фабрики закрываются, рабочие выбрасываются на улицу. Еще анархия производства влечет за собой *борьбу на рынке*: каждому хочется отбить у другого всех покупателей, переманить их, завладеть рынком. Эта борьба принимает разные формы, разный вид, начиная от борьбы двух фабрикантов и кончая мировой войной между капиталистическими государствами за раздел рынков по всему миру. Здесь несколько составных частей капиталистического общества не только цепляются друг за друга, но прямо сталкиваются друг с другом.

Итак, первой основной неслаженностью капитализма является анархия производства, что проявляется в кризисах, конкуренции, войнах.

Второй основной неслаженностью капиталистического общества является его классовое строение. Ведь, по сути дела, капиталистическое общество, — это не одно, а *два* общества: капиталисты — раз, рабочие и беднота — два. Они находятся в постоянной, непримиримой, непрекращающейся вражде, имя которой —

классовая борьба. Опять здесь мы видим, что разные части капиталистического общества не только не пригнаны одна к другой, а, наоборот, находятся между собой в непрерывном столкновении.

Сломается или не сломается капитализм? Ответ на этот вопрос зависит вот от чего. Если мы рассмотрим *развитие* капитализма, как он изменялся с течением времени, и найдем, что его неслаженность становится все меньше, тогда можно будет петь ему многолетие; если же, наоборот, мы обнаружим, что с течением времени отдельные части капиталистического общества должны неизбежно все сильнее и сильнее напирать одна на другую, и трещины в этом обществе будут также неизбежно превращаться в пропасти, тогда мы можем петь ему: «со святыми упокой».

Значит, необходимо рассмотреть вопрос о развитии капитализма.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Борьба мелкого и крупного производства (личной трудовой и капиталистической нетрудовой собственности)

а) Борьба мелкого и крупного производства в промышленности. Крупные фабрики, которые насчитывают иногда свыше десятка тысяч рабочих, с гигантскими, чудовищными машинами, существовали не всегда. Они появлялись постепенно и выросли на костях почти совершенно погибшего ремесла и мелкой промышленности. Чтобы понять, почему это так произошло, нужно прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что при частной собственности и товарном хозяйстве неизбежна борьба за покупателя, *конкуренция.* Кто побеждает в этой борьбе? Тот, кто сумеет привлечь этого покупателя к себе и оторвать его от своего конкурента (соперника). Но привлечь покупателя к себе можно, главным образом, более дешевой ценой своих товаров [1]). Кто же может продавать по более дешевой цене? Вот на этот-то вопрос и нужно сначала ответить. Ясно, что по более дешевой цене может продавать более крупный фабрикант, чем фабрикант мелкий или ремесленник, потому что ему самому товар стоит дешевле. Крупное производство

[1]) Здесь идет речь о довоенном времени, после военного разорения не продавцы бегают за покупателем, а покупатели за продавцом.

имеет здесь массу преимуществ. Прежде всего, крупное производство имеет то преимущество, что предприниматель-капиталист может поставить лучшие машины и употреблять лучшие инструменты и всякие аппараты. Ремесленник, мелкий хозяйчик едва-едва перебивается; работает он обыкновенно на ручных станках; он и думать не смеет о хороших больших машинах: у него нет на это средств. Мелкий капиталист тоже не в состоянии ввести новейших машин. Следовательно, чем крупнее предприятие, тем совершеннее *техника,* тем успешнее труд, тем *дешевле обходится штука товара хозяину.*

Крупное производство на всем *сберегает:* на постройках, на машинах, на сырье, на освещении и отоплении, на рабочих руках, утилизации отбросов и т. д. В самом деле, представим себе тысячу маленьких мастерских и одну крупную фабрику, которая вырабатывает столько товара, сколько тысяча этих мастерских. Построить одно большое хорошее здание легче, чем тысячу мелких; сырья в тысяче мелких будет уходить больше (теряться, пропадать даром и т. д.); осветить и отопить одну большую фабрику легче, чем тысячу мелких домишек; убирать, подметать, сторожить, чинить и т. д. — тоже легче. Словом, решительно на все в крупном производстве будет *экономия,* сбережение.

При *покупке сырого материала и всего нужного для производства* крупное хозяйство опять в выигрыше. Оптом покупать дешевле, да и товар будет доброкачественнее; к тому же крупный фабрикант лучше знает рынок, где и как дешевле купить. Точно так же при *продаже своего товара* мелкое предприятие всегда в накладе. Крупный хозяин не только лучше знает, где дороже продать (он имеет для этой цели своих раз'ездных агентов, он ведет дела с биржей, где собираются сведения о спросе на разные товары, у него

связи чуть ли не по всему свету); кроме того, он может *выжидать*. Если, например, цены на его товар стоят низкие, он может этот товар держать на складах, дожидаясь того времени, когда цены повысятся. Этого не может делать мелкий хозяйчик. Он живет на то, что продал. Продаст товар—и тотчас же начинает проживать полученные деньги: лишних у него нет. Поэтому он должен продавать во что бы то ни стало, иначе ему смерть. Ясно, что он от этого страшно страдает.

Наконец крупное производство обладает еще одним преимуществом *в области кредита*. Крупный предприниматель, если ему экстренно нужны деньги, всегда может занять. «Солидной» фирме всегда даст взаймы любой банк, и за сравнительно небольшой процент. А мелкой сошке никто почти не поверит. Если же поверит, то заломит безбожный ростовщический процент. Так мелкий производитель легко попадает в лапы ростовщику.

Все эти преимущества крупного хозяйства об'ясняют нам, почему мелкое производство в капиталистическом обществе неизбежно гибнет. Крупный капитал его *забивает*, отбивает покупателя, разоряет, его владельца превращает в пролетария, либо босяка. Конечно, во многих случаях мелкий хозяйчик продолжает цепляться за жизнь. Он борется напряжением всех своих сил, работает сам и заставляет работать своих рабочих и семью сверх сил, но, в конце концов, вынужден уступить свое место капиталу. Часто можно видеть, что по внешности перед нами как будто самостоятельный хозяин, а в действительности он целиком зависит от крупного капиталиста, работает на него, шагу без него ступить не может. Мелкий производитель часто зависит от ростовщика: только по видимости он самостоятелен, а в действительности он ра-

ботает на этого паука; или от скупщика, который скупает у него товар; или от магазина, на который он работает (и здесь он самостоятелен только по видимости, а в действительности он уже превратился в наемного рабочего того капиталиста, в руках которого крупный магазин); бывает, что капиталист дает сырье, иногда и сырье и орудия (так бывало часто с нашими кустарями); тут уж совсем ясно видно, что кустарь превратился в простой придаток к капиталу; встречаются и другие виды подчинения капиталу: около крупных предприятий иногда ютятся мелкие починочные мастерские, в таком случае они — простой винтик при фабрике — ничего больше. И тут они самостоятельны только по видимости. Иногда можно видеть, что разорившиеся мелкие хозяйчики, мелкие ремесленники, кустари, торговцы, мелкие капиталисты выбиты из одной отрасли производства и торговли, — тогда они переходят в другую, где еще крупный капитал не так силен. В особенности часто разорившиеся хозяйчики становятся мелочными торговцами, разносчиками и т. д. Так крупный капитал вытесняет шаг за шагом мелкое производство отовсюду. Растут громадные предприятия, насчитывающие тысячи, а иногда даже десятки тысяч рабочих. Крупный капитал оказывается властелином мира. Личная трудовая собственность исчезает. На ее место становится крупная капиталистическая собственность.

б) Борьба мелкого и крупного производства в сельском хозяйстве. Такая же борьба мелкого и крупного производства, как в промышленности, идет при капитализме и в сельском хозяйстве. Помещик, ведущий свое хозяйство так, как капиталист свою фабрику, крупный крестьянин-кулак, средний крестьянин, деревенская беднота, сама часто подрабатывающая на стороне или у помещика, либо у кулака, и батраки — это все равно, что в промышленности — крупный капита-

лист, средний заводчик, ремесленник, кустарь, наемный рабочий. И в деревне, как в городе, крупное имение лучше поставлено, чем мелкое.

Крупный хозяин может завести *хорошую технику. Сельско-хозяйственные машины* (электрические плуги, паровые плуги, жнейки-косилки, жнейки-сноповязалки, сеялки, молотилки, паровые молотилки и т. д.) часто совсем почти недоступны мелкому сельскому хозяину. и крестьянину. Как в маленькой мастерской ремесленника нет смысла ставить дорогую машину (и купить ее не на что, да и окупаться она не будет), точно так же и крестьянин не может купить себе парового плуга; да если бы он и купил его, то он был бы ни к чему: для того, чтобы такая солидная машина окупалась, нужно много земли, а не такой клочок, где только курицу пасти можно.

Орошение, осушение болот, дренаж (проведение глиняных труб для стока лишней воды), проведение полевых железных дорог и проч. — может, большею частью, применять только крупный хозяин. Крупное хозяйство, как и в промышленности, сберегает на орудиях, материалах, рабочей силе, отоплении, освещении и т. д.

Кроме того, крупный хозяин может нанимать агрономов и вести свое хозяйство по всем правилам.

В области *торговли и кредита* происходит то же, что и в промышленности: крупный хозяин знает лучше рынок, может выжидать, дешевле покупать все необходимое, умеет дороже продать. Мелкому остается одно: бороться при помощи напряжения всех сил. Этим *усиленным трудом,* а также уменьшением своих потребностей, недоеданием, и живет мелкое сельское хозяйство. Только так оно себя и может отстоять при

господстве капитализма. Что его еще более подрывает, так это громадные *налоги*. Капиталистическое государство взваливает на него огромную тяжесть: стоит только вспомнить, что значили царские налоги для крестьян, — все продай, а налог заплати.

Можно в общем сказать, что мелкое производство в сельском хозяйстве живучее, чем в промышленности. В городах ремесленники и мелкие предприниматели гибнут довольно быстро, а в деревнях крестьянское хозяйство во всех странах стоит на ногах немного крепче. Но обеднение большей частью происходит и тут, только часто это не так заметно. Иногда кажется, что хозяйство не крупное по размерам земли, а на самом деле оно очень крупное: и капитала в него вложено много, и работников в нем изрядно нанимается (например, у огородников около больших городов). Иногда, наоборот, кажется, что пред нами много хозяйчиков совсем самостоятельных, а на самом деле они почти наемные рабочие: ходят наниматься либо в соседнее имение, либо на отхожие промыслы, либо в город. Среди крестьянства во всех странах происходит то же, что и среди ремесленников и кустарей. Небольшая часть из них пролезает в кулаки-мироеды (трактирщики, ростовщики, которые мало-по-малу округляют свои владения); остальные либо крепятся, либо разоряются в конец: продают корову, лошаденку, превращаются в безлошадных; а потом и надела как не видали—уходит человек совсем либо в город, либо в батраки. Безлошадный превращается в *наемного рабочего;* кулак-мироед, нанимающий работников, — *в помещика либо капиталиста.*

Так в сельском хозяйстве масса земли, орудий, машин, скота находится в распоряжении кучки крупнейших капиталистов-помещиков, а миллионы работают на них, миллионы крестьян зависят от них.

Зависимость пролетариата, резервная армия, женский и детский труд

Все большие и большие массы народа превращаются при капитализме в наемных рабочих. Разорившиеся ремесленники, кустари, крестьяне, торговцы, средние капиталисты, потерпевшие крах, — словом, все выкинутые за борт, все, кого забил крупный капитал, низвергаются в ряды пролетариата. По мере того, как богатства сосредоточиваются в руках кучки капиталистов, народные массы все более превращаются в их наемных рабов. Благодаря постоянному разорению средних слоев и классов, количество рабочих всегда больше того, чем нужно капиталу. Этим капитал привязывает к себе рабочего. Он должен работать на капиталиста. Не хочет—найдут сотни других.

Но эта зависимость от капитала упрочивается и другим путем, не только разорением новых слоев населения. Господство капитала над рабочим постоянно увеличивается еще и тем, что капитал все время выбрасывает лишних ему рабочих на улицу и создает из них себе рабочие силы про запас. Как это происходит? А вот как. Мы уже видели раньше, что каждый фабрикант стремится удешевить стоимость товаров для себя. Поэтому именно и вводятся новые и новые машины. Но эта машина обычно *замещает* рабочего, делает часть рабочих излишней. Введена новая машина — это значит: часть рабочих получает расчет. Из рабочих, занятых на фабриках, такие люди превращаются в безработных. А так как новые машины вводятся постоянно то в одной отрасли производства, то в другой, то в третьей, понятно, что *безработица должна постоянно существовать при капитализме.* Ведь, капиталист заботится не о том, чтобы дать всем работу или снабдить всех товарами, а о том, чтобы *выжать побольше прибыли*. Понятно, что он выбрасы-

вает на улицу рабочих, которые уже не в состоянии приносить ему такую прибыль, как раньше.

И, действительно, во всех капиталистических странах мы видим, что в крупных городах постоянно есть огромное количество безработных. Тут и какие-нибудь китайские или японские рабочие из разорившихся крестьян, пришедшие искать заработка за тридевять земель; и деревенские парни, только что попавшие в город; и бывшие лавочники и ремесленники; но тут же мы находим рабочих-металлистов или типографов, или ткачей, которые подолгу работали на фабриках и вышвырнуты из них, благодаря введению новых машин. Все они вместе образуют запасный источник рабочих сил для капитала или, как его назвал Маркс, *резервную* (запасную) *промышленную армию.* Существование резервной рабочей армии, постоянная безработица позволяет капиталистам усиливать зависимость и угнетение рабочего класса. Из одних рабочих капитал при помощи машины выжимает больше золотого сока, чем раньше, другие из-за этого выброшены на мостовую. Но, выброшенные на мостовую, они служат в руках капиталиста бичом, который подгоняет оставшихся.

Введение машин породило также *женский и детский труд,* более дешевый и поэтому более выгодный для капиталиста. Раньше, до машин, нужна была особая сноровка для работы, иногда нужно даже было долго учиться. А на некоторых машинах может работать и ребенок: приходится только и делать, что до одурения рукой махать или ногой двигать. Вот почему после появления на свет машин стал шире применяться труд женщин и детей. Женщины и дети не могут давать капиталисту такого отпора, как рабочие мужчины. Они более ручные, более забитые, чаще верят попам и всему, что им говорит начальство. Поэтому фабрикант часто замещает мужчин женщинами

и заставляет маленьких детишек перегонять свою кровь в золотые кружочки прибыли.

От этого распадается семья рабочего. Раз и жена, а иногда и ребенок, на фабрике, какая тут семейная жизнь!

Если женщина попадает на фабрику, становится работницей, она, как и мужчина, подвергается время от времени всем ужасам безработицы. Ее тоже выбрасывает за дверь капиталист; она тоже становится в ряды промышленной резервной армии; она, как и мужчина, может опуститься на самое дно. В связи с этим стоит и *проституция,* когда женщины продают себя первому встречному на улице. Нечего есть, работы нет, отовсюду гонят; а если и есть работа, то за такую нищенскую плату, что приходится подрабатывать продажей своего тела. А потом новое ремесло входит в привычку. Так образуется слой профессиональных проституток.

В капиталистическом обществе, таким образом, по мере того, как изобретаются все лучшие и лучшие машины, строятся все большие и большие фабрики, растет количество товаров,—все увеличивается гнет капитала, нищета и бедствия промышленной резервной армии, зависимость рабочего класса от его эксплоататоров.

Если бы частной собственности не было, а все находилось в товарищеском пользовании, тогда было бы совсем другое. Тогда люди просто сокращали бы рабочий день, щадили бы свои силы, сберегали бы свой труд, заботились бы о своем отдыхе. Когда же машины вводит капиталист, он заботится о *прибыли:* ему не к чему сокращать рабочий день, он от этого только теряет. При помощи машины капиталист не освобождает человека, а порабощает его.

С развитием капитализма все большая часть капитала отводится на машины, аппараты, разные соору-

жения, гигантские фабричные корпуса, громадные доменные печи и т. д., наоборот, на *наем рабочих* идет все меньшая часть капитала. Раньше, при ручном труде, затраты на ручные станки и прочие орудия были небольшие: почти весь капитал шел на наем рабочих. Теперь наоборот: громадная доля идет на разные сооружения и машины. А это значит, что спрос на *рабочие руки* растет не так быстро, как увеличивается число разорившихся людей, которые превращаются в пролетариев. Чем сильнее развивается техника при капитализме, тем больше гнет капитала над рабочим классом, потому что, чем труднее найти работу, тем тяжелее жить.

Анархия производства, конкуренция и кризисы

Бедствия рабочего класса растут и растут вместе с развитием техники, которая при капитализме приносит, вместо пользы для всех, увеличение прибыли для капитала, безработицу и разорение для многих рабочих. Но эти бедствия растут и от других причин.

Раньше мы видели, что капиталистическое общество сколочено очень плохо. Царит частная собственность, и нет никакого общего плана. Каждый фабрикант ведет свое дело независимо от других. С другими он борется за покупателя, «конкурирует» с ними.

Возникает теперь вопрос, ослабляется или усиливается эта борьба с развитием капитализма?

На первый взгляд может показаться, что эта борьба ослабляется. В самом деле, ведь, капиталистов становится все меньше: крупные пожирают мелких; раньше боролись друг с другом десятки тысяч разных предпринимателей — конкуренция была ожесточен-

ной; теперь этих соперников мало — борьба стала не такой острой. Так можно было бы думать. Но на самом деле это не так. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Верно, что соперников становится меньше. Но каждый из них стал во много раз *крупнее и сильнее,* чем прежние соперники. И их борьба стала не меньше, а больше, не тише, а жесточе, чем раньше. Если бы в целой стране царствовала кakя-нибудь пара — другая капиталистов, тогда дрались бы друг с другом эти капиталиситческие государства. Оно так и вышло, в конце-концов. Соперничество сейчас идет между громадными союзами капиталистов, между их государствами. И борются они тут не только дешевыми ценами, но и вооруженной силой. Значит, конкуренция с развитием капитализма уменьшается только *по числу соперников,* но становится все *жесточе и разрушительнее* [1]).

Необходимо еще отметить одно явление: это так называемые *кризисы.* Что такое эти кризисы? В чем они заключаются? Дело происходит так. В одно прекрасное время оказывается, что разных товаров произведено сверх всякой меры. Цены падают, а сбывать товар некуда. Склады ломятся от всевозможных продуктов, а продать их негде: покупателя нет. Есть, конечно, много голодных рабочих, но они получают гроши и все равно купить почти ничего не могут сверх того, что они обыкновенно покупали. Тогда начинается разорение. В одном производстве не выдерживают сперва мелкие и средние предприятия и лопаются, закрываются; за ними — и более крупные. Но это производство покупало товары у другой отрасли промышленности, эта другая — у третьей. Скажем, портновские предприятия покупают сукно у

---

[1]) Подробно об этом нужно смотреть главу об империалистической войне.

суконных, суконные — у предприятий, производящих шерсть и т. д. Лопаются портновские предприятия — значит, уж совсем некому покупать у суконщиков: начинают лопаться суконные фабрики, за ними наступает та же история в производстве шерсти. Повсюду начинают закрываться фабрики и заводы, десятки тысяч рабочих выкидываются на улицу, безработица растет до неимоверных пределов, жизнь рабочих ухудшается даже против обычной. А товаров произведено много. А склады ломятся от них. Так бывало до войны неоднократно: то промышленность идет в гору, дела у фабрикантов развиваются великолепно; потом вдруг — крах, разорение, безработица; потом дела в застое; потом снова поправляются; потом опять идут блестяще; потом снова крах и так далее, по поговорке: «висело мочало — начинай сначала».

Чем об'ясняется такое дикое положение, когда люди становятся нищими от богатства?

На этот вопрос не так просто ответить. Но ответить на него необходимо.

Мы уже видели выше, что в капиталистическом обществе царит неразбериха, именуемая *анархией производства*. Каждый предприниматель - фабрикант производит сам по себе, на свой страх и риск. Совершенно естественно, что при таком положении вещей рано или поздно дело приходит к тому, что товара произведено слишком много (товарное перепроизводство). Когда производились продукты, а не товары, т. е. когда не было производства на рынок, в перепроизводстве не было ничего опасного. Совсем другое при товарном производстве. Тут всякий фабрикант, чтобы купить нужные для дальнейшего производства товары, должен сперва продать свои. Застопорилась машина в одном месте от неразберихи в производстве,

тотчас же все это переносится с одной отрасли на другую — разражается всеобщий кризис.

Эти кризисы действуют очень опустошительно. Масса товаров гибнет. Остатки мелкого производства выметает, как железной метлой. И крупные фирмы тоже частью гибнут. Всем им трудно устоять на ногах. Главная тяжесть кризисов падает, конечно, на рабочий класс.

Одни фабрики закрываются совсем, другие сокращают производство — работают неполную неделю, третьи закрываются на время. Число безработных увеличивается. Резервная промышленная армия растет. А вместе с тем растут нищета и угнетение рабочего класса. Во время кризиса и без того плохое положение рабочего класса ухудшается еще более.

Развитие капитализма и классы. (Обострение классовых противоречий)

Мы видели, что капиталистическое общество имеет два главных противоречия, два главных из'яна: во-первых, оно «анархично» (в нем нет организованности); во-вторых, оно состоит на самом деле из *двух* враждующих обществ (классов). Мы видели также, что с развитием капитализма анархия производства, выражающаяся в конкуренции, приводит все к большему обострению, неслаженности, разрушению. Неслаженность общества здесь не уменьшается, а *возрастает*. Но то же самое происходит и с раздроблением общества на две части, на классы. С развитием капитализма это дробление, эта трещина между классами тоже не уменьшается, *а увеличивается*. На одном конце — у капиталистов — скопляются все богатства земли, на другом конце — у угнетенных классов — скопляется вся нищета, горе и слезы. Промышленная резервная армия порождает слои опустившихся, одичавших, в конец обнищавших людей.

Но и те, кто работает, по своей жизни все больше отличаются от капиталистов. Разница между пролетариатом и буржуазией все *возрастает*. Раньше были всякие средние и мелкие капиталистики; многие из них были в близких отношениях с рабочими, жили немногим лучше, чем они. Теперь совсем не то. Крупные господа живут так, как прежде никому и не снилось. Правда, и рабочие с развитием капитализма живут в общем лучше: до начала двадцатого века в общем заработная плата увеличивалась. Но за то же самое время *прибыль капиталиста увеличивалась еще быстрее*. Теперь рабочая масса отстоит от капиталиста, как небо от земли. Капиталист — это совсем другое существо: до него рукой не достанешь... И чем дальше развивается капитализм, чем выше поднимается кучка богатейших капиталистов, тем глубже пропасть между этой кучкой некоронованных королей и многомиллионной массой порабощенных пролетариев.

Мы сказали, что заработная плата рабочих все же росла, но еще быстрее росла прибыль, и *потому* увеличивалось расстояние между двумя классами. Однако, с начала двадцатого века заработная плата стала не расти, а падать; за то же время прибыли стали увеличиваться, как никогда раньше. Значит, особенно за последнее время, чрезвычайно быстро обострилось общественное неравенство.

Вполне понятно, что раз это неравенство все растет и растет, то оно рано или поздно приводит к столкновению рабочих с капиталистами. Если бы разница между ними не уменьшалась, если бы рабочие, по своему положению, придвигались все ближе к капиталистам, тогда, конечно, установились бы «мир да гладь, да божья благодать». Но в том-то и дело, что рабочие в капиталистическом обществе с каждым днем не приближаются, а отдаляются от капиталистов.

А это значит, что неизбежно должна обостряться и *классовая борьба* между пролетариатом и буржуазией.

Классовая борьба опирается на противоречия интересов между буржуазией и пролетариатом. Эти интересы непримиримы по существу точно так же, как непримиримы интересы волков и овец.

Всякому легко понять, что капиталисту выгодно заставлять рабочих работать возможно дольше и платить им возможно меньше; наоборот, рабочему выгодно работать возможно меньше и получать больше. Поэтому немудрено, что уже с самого возникновения рабочего класса началась его борьба за *повышение заработной платы* и за *сокращение рабочего дня.*

Эта борьба никогда не прерывалась и никогда совсем не затихала. Она, однако, не ограничивалась борьбой за лишний пятачок. Повсюду, где только развивался капиталистический строй, рабочие массы приходили к убеждению, что нужно покончить с самим капитализмом. Рабочие стали подумывать о том, как бы заменить ненавистный порядок другим — справедливым, трудовым, товарищеским порядком. Так родилось *коммунистическое движение рабочего класса.*

Борьба рабочего класса сопровождалась не раз многими поражениями. Но капиталистический строй в себе самом таит окончательную победу пролетариата. Почему? Да потому, что его развитие означает превращение в пролетариев самых широких слоев народа. Победа крупного капитала есть разорение ремесленника, торговца, крестьянина; она все увеличивает ряды наемных рабочих. Пролетариат с каждым шагом капиталистического развития *увеличивается в числе.* Он — как чудовище гидра со многими головами: отрубай одну — вырастает десять других. Когда буржуазия подавляла рабочие восстания, она укрепляла капиталистический строй. Но развитие капита-

листического строя разоряло десятки тысяч, миллионы хозяйчиков и крестьян; оно бросало их под пяту капиталистов. Тем самым оно увеличивало число пролетариев, врагов капиталистического строя. Но не только численно становится сильнее рабочий класс. Он, кроме того, *сплачивается* все более и более. Почему? Да потому, что с развитием капитализма растут крупные фабрики. А каждая крупная фабрика собирает в своих стенах тысячи рабочих, иногда десятки тысяч рабочих. Эти рабочие работают бок-о-бок, рядышком. Они видят, как хозяин-капиталист эксплоатирует их. Они видят, что рабочий рабочему— друг и товарищ. В самой работе пролетарии, об'единенные фабрикой, приучаются действовать сообща. Им и сговориться легче. Вот почему с развитием капитализма растет не только численность, но и *сплоченность* рабочего класса.

Чем быстрее растут крупные фабрики, чем быстрее развивается капитализм, тем скорее разоряются ремесленники, деревенские кустари, крестьяне. Тем быстрее растут чудовищные многомиллионные *города.* В конце-концов, на небольшом, сравнительно, пространстве — в крупных городах — скопляется громадная масса народа, и среди всего этого народа огромное большинство составляет фабричный пролетариат. Он заполняет собой грязные, прокопченные кварталы, а кучка всем владеющих хозяев живет в роскошных особняках. Эта кучка становится все меньше. Рабочих становится все больше и больше, они сплачиваются все теснее и теснее.

При таких условиях неизбежное обострение борьбы должно кончиться победой рабочего класса. Рано или поздно, несмотря на все ухищрения буржуазии, рабочий класс приходит в резкое столкновение с буржуазией, сбрасывает ее с трона, разрушает ее разбойничье государство и строит свой новый, трудовой,

коммунистический порядок. Таким образом, капитализм в своем развитии *неизбежно приводит к коммунистической революции пролетариата.*

Итак, из наблюдения над развитием капиталистического строя мы можем установить без всякой ошибки следующее: *число капиталистов уменьшается, но они становятся все богаче и сильнее; число рабочих все увеличивается и увеличивается, при чем все растет их сплоченность, хотя и не ровно; разница между рабочим и капиталистом становится больше. Развитие капитализма ведет поэтому к неизбежному столкновению этих классов, то-есть к коммунистической революции.*

Концентрация и централизация капитала, как условия для осуществления коммунистического строя

Капитализм, как мы видели, роет сам себе могилу потому, что он порождает своих собственных могильщиков — пролетариев, и чем больше он развивается, тем большее количество своих смертельных врагов он плодит и об'единяет против себя. Но он не только выращивает своих врагов. Он подготовляет и почву для новой организации общественного производства, для нового товарищеского, коммунистического хозяйства. Каким образом? На это мы сейчас дадим ответ.

Раньше мы видели (смотри или перечитай 11 §: «Капитал»), что капитал постоянно увеличивается в своей величине. Часть прибавочной ценности, которую капиталист выжимает из рабочего, он присоединяет к своему капиталу. От этого капитал становится больше. А становится больше капитал — значит, можно расширить производство. Такое увеличение капитала, такое его укрупнение в одних руках, называется *накоплением*, или *концентрацией* капитала.

Мы видели также (смотри: «Борьба мелкого и крупного производства»), что по мере развития капи-

тализма мелкое и среднее производство гибнет; мелкие и средние промышленники и торговцы разоряются, не говоря уже о ремесленниках — их всех заедает крупный капитал. То, что было раньше у этих мелких и средних капиталистов, их капиталы, исчезает из их рук и разными путями сосредоточивается в руках у крупных акул. У этих крупных капитал увеличивается, следовательно, и оттого, что у других он из рук уплывает. Здесь происходит сосредоточение в одних руках капитала, который раньше был разбросан по разным рукам. Теперь после разорения мелких, эти капиталы зажаты уже в кулаке тех, кто победил в борьбе. Такое сосредоточение капитала, прежде разбросанного, называется *централизацией капитала*.

Концентрация и централизация *капитала*, т.-е. его сосредоточение в немногих руках, еще не означает концентрации и централизации *производства*. Предположим, что капиталист купил на накопленную прибавочную ценность маленькую фабричку соседа и оставил ее работать, как и прежде. Здесь накопление произошло, а производство ведется по-прежнему. Но обычно бывает все же не так. В жизни гораздо чаще случается (потому, что это выгоднее капиталисту), что он преобразует и самое производство, укрупняет его, расширяет и делает больше самые фабрики. Тут происходит уже не только укрупнение капитала, но и *самого производства*. Производство становится громадным, вмещающим массу машин, об'единяющим много тысяч рабочих. Бывает так, что какой-нибудь десяток крупнейших фабрик покрывает спрос на товар со всей страны. По сути дела тут рабочие производят на все общество: труд, как выражаются, *обобществляется*. А распоряжение этим и прибыль достается капиталисту.

Такая централизация и концентрация *производства* делает возможным и действительно товарищеское производство после пролетарской революции.

В самом деле. Если бы этого сосредоточения производства не было и если бы пролетариат стал у власти, а производство было бы разбросано и распылено в сотнях тысяч малюсеньких мастерских, где работает по 2 — 3 рабочих, то не было бы никакой возможности эти мастерские организовать, перевести их на общественную ногу. Чем более развит капитализм, чем более централизовано производство, тем легче пролетариату овладеть им после своей победы.

Значит, *развитие капитализма не только создает врагов капитализма и не только ведет к коммунистической революции, но и создает еще экономическую основу для осуществления коммунистического строя.*

КАК РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА ПРИВЕЛО К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Империализм, война и крах капитализма)

Финансовый капитал

Мы видели выше, что между отдельными предпринимателями постоянно и непрерывно шла жестокая борьба за покупателя, и в этой борьбе также постоянно и непрерывно побеждал крупный предприниматель. Отсюда происходило то, что мелкие хозяева гибли и разорялись, а капитал и все производство сосредоточивалось в руках крупнейших капиталистов (концентрация и централизация капитала). К началу восьмидесятых годов прошлого столетия капитал уже был весьма изрядно централизован. Появились в большом количестве, вместо прежних отдельных владельцев, также и *акционерные общества* или «товарищества на паях»; разумеется, эти «товарищества» были обществами *капиталистов.* В чем заключается их смысл? Откуда они появились? Ответ дать не трудно. К тому времени каждое новое предприятие должно было иметь сразу же солидный капитал. Если основывалось какое-нибудь захудалое предприятие, у него было очень мало вероятия выжить: со всех сторон его сразу же окружали сильные и могущественные соперники — крупные фабриканты. Значит, новое предприятие, чтобы выжить, чтобы не погибнуть, а, наоборот, процветать, должно было быть сразу организовано на крупных началах. А на крупных началах оно могло быть организовано только тогда, когда для этого сразу же был налицо крупный капитал. Вот

из этой-то потребности и родилось акционерное общество. Его сущность заключается в том, что здесь несколько крупных капиталистов используют капиталы мелких и даже мелкие сбережения некапиталистических групп (служащих, крестьян, чиновников и т. д.). Это происходит вот как. Каждый вносит свою долю, свой «пай» или несколько «паев». Вместо этого они получают бумажку, «акцию», которая дает им право на получение известной части дохода. Таким образом, от скопления сумм со всех сторон сразу получается крупный «акционерный капитал».

Когда акционерные общества появились, то некоторые буржуазные ученые, а за ними и соглашательские социалисты, стали говорить, что теперь, мол, наступила новая пора: капитал приводит не к тому, что начинает господствовать кучка капиталистов, а, наоборот, каждый служащий может на свои сбережения купить акцию и, таким образом, стать капиталистом. Капитал, дескать, становится все более «демократичным», и, в конце-концов, разница между капиталистом и рабочим исчезнет без всякой революции.

Все это оказалось чистейшим вздором и ерундой. На самом деле вышло совсем обратное. Крупные капиталисты *использовали* мелких в своих целях, и централизация капитала пошла *еще быстрее, чем раньше,* потому что бороться друг с другом стали уже громадные акционерные предприятия.

Но развитие концентрации и централизации капитала на этом не остановилось. В последние десятилетия появились на место отдельных предпринимателей и отдельных акционерных обществ целые *союзы капиталистов: синдикаты (или картели) и тресты.* Почему они появились? И что это за штука?

Предположим, что в какой-нибудь отрасли производства, скажем, в ткацкой или в металлургической,

мелкие капиталисты уже исчезли, остались всего пять-шесть громаднейших предприятий, которые производят почти все товары ткацкого и металлургического производства. Они ведут между собой конкурентную борьбу, понижают для этого цены и получают от этого меньше прибыли. Предположим теперь, что пара этих предприятий сильнее и крупнее других. Тогда они эту борьбу ведут до тех пор, пока остальные не разорятся. Но предположим, что силы их приблизительно одинаковы: у них одинаковый размер производства, одинаковые машины, одинаковое, приблизительно, количество рабочих; им товарная штука самим обходится в одинаковую величину. Что получается тогда? Тогда борьба никому не дает победы, всех равно истощает: у всех падает прибыль. И тут капиталисты приходят к выводу: зачем нам сбивать цены друг у друга? Не лучше ли об'единиться и *сообща* грабить публику? Ведь, если мы об'единимся, никакой конкуренции не будет — *весь* товар в наших руках, и мы можем заламывать какие угодно цены.

Так возникает союз, об'единение капиталистов: *синдикат* или *трест*. Синдикат отличается от треста вот чем: когда организуется синдикат, тогда входящие в состав его капиталисты уговариваются, чтобы продавать товар не ниже определенной цены, распределять сообща заказы или делить между собой рынки (ты продавай только там, а я — только тут) и т. д. Но при этом правление синдиката не может, скажем, *закрыть* какое-нибудь предприятие: каждое из них входит в союз, но имеет еще известную степень самостоятельности. При тресте же все они настолько тесно об'единяются, что отдельное предприятие *теряет* свою самостоятельность совсем: правление треста может его закрыть, переделать на другую ногу, перевести куда угодно, если это выгодно всему тресту. Конечно, капиталист этого предприятия полу-

чает свою прибыль беспрерывно, она даже увеличивается, но всем заправляет тесный и сплоченный союз капиталистов — *трест*.

Синдикаты и тресты владеют рынком *почти целиком*. Они не боятся никакой конкуренции, потому что они *задавили* всякую конкуренцию. На место конкуренции стала капиталистическая *монополия, т.-е. господство одного треста*[1]).

Таким образом, концентрация и централизация капитала постепенно уничтожали конкуренцию. Конкуренция поедала сама себя. Чем бешенее она развивалась, тем быстрее шла централизация, потому что тем быстрее гибли слабосильные капиталисты. В конце концов, централизация капитала, вызванная конкуренцией, убила эту конкуренцию. *На место «свободного соперничества», т.-е. свободной конкуренции, стало господство монополистических союзов предпринимателей — синдикатов и трестов.*

Синдикаты и тресты централизуют не только однородные предприятия. Все чаще и чаще появляются тресты, захватывающие сразу *несколько* отраслей производства. Каким образом это происходит?

Все отрасли производства связаны одна с другой куплей-продажей прежде всего. Возьмем производство железной руды и каменного угля. Здесь производится продукт, который является сырьем для чугуноплавильных и металлургических заводов; в свою очередь эти заводы делают, скажем, машины; эти машины служат средствами производства в ряде других отра-

---

[1]) Слово «монополия» происходит от двух греческих слов: «монос» (один) и «полис» (государство, управление, господство). У нас слово монополия означало винную монополию государства, когда казна одна могла производить водку. Но монополия может быть и не только на водку, а на все, и не только у государства, но и у частных фабрикантов.

слей и т. д., и т. д. Предположим теперь, что у нас есть чугуноплавильный завод. Он *покупает* железную руду и каменный уголь. Значит, он заинтересован в том, чтобы эта руда и уголь покупались по дешевой цене. А если руда и уголь в руках другого синдиката? Тогда начинается борьба между одним синдикатом и другим, которая кончается либо победой одного из них, либо слиянием. И в том, и в другом случае возникает новый синдикат, об'единяющий *две* отрасли сразу. Само собой разумеется, что так об'единяться могут не только две, но и три и десять отраслей. Такие предприятия называются *сложными* (иначе «комбинированными») предприятиями.

Итак, синдикаты и тресты организуют не только отдельные отрасли, но и связывают *в одну* организацию *разнородные* производства, одну отрасль привязывают к другой, третьей, четвертой и т. д. Раньше были во всех отраслях независимые друг от друга предприниматели, а все производство было раздроблено в сотнях тысяч маленьких фабричек. К началу двадцатого века это производство уже было сосредоточено в гигантских, чудовищных по своим размерам трестах, организующих многие отрасли промышленности.

Связи между отдельными отраслями производства возникали не только путем образования «комбинированных» предприятий. Тут нужно остановиться на явлении, которое будет поважнее этих комбинированных предприятий. Это явление — *господство банков.*

Но сперва нужно сказать несколько слов об этих банках.

Мы уже видели, что когда концентрация и централизация капитала достигли солидного развития, появилась потребность в капитале для того, чтобы ставить новые предприятия сразу на широкую ногу. На почве этой потребности, между прочим, появились ак-

ционерные общества. Значит, организация новых предприятий требовала возрастающих сумм капитала.

С другой стороны, присмотримся к тому, что делает капиталист с той прибылью, которую он получает. Мы знаем, что часть ее он проедает, пронашивает, словом тратит на себя, а другую часть «накопляет». Спрашивается: *как* он это делает? Может ли он в любую минуту расширить свое производство, пустить эту часть прибыли в дело? Нет, не может. И вот почему. Деньги к нему поступают, ведь, непрерывно, по частям. Сбыли партию товара—текут деньги в кассу, сбыли еще — следующая порция денег пришла. Понятно, что для пускания их на расширение предприятия нужна известная сумма. Значит, нужно погодить, пока притечет столько денег, сколько необходимо, скажем, на покупку новых машин А до тех пор? А до тех пор деньги не могут быть употреблены. Они лежат зря. Это происходит не у одного или двух капиталистов, а в разное время у всех. Есть постоянно *свободный капитал.* А выше мы видели, что есть *спрос* на капитал. С одной стороны, есть лишние суммы, которые лежат зря, с другой — есть потребность в них. Чем быстрее централизуется капитал, тем больше потребность в крупных суммах, но тем больше количество свободного капитала. Вот это положение вещей и подняло *значение банков.* Чтобы у капиталиста деньги зря не залеживались, он вкладывает их в банк, а банк ссужает их тем, кому они нужны для расширения старых или организации новых предприятий. Промышленники дают деньги банку, банк дает их *другим* промышленникам. Эти выжимают при помощи полученного капитала прибавочную ценность; часть ее дают банку за ссуду; банк, с своей стороны, отдает часть полученного вкладчикам, часть оставляет себе, как банковую прибыль. Так идет вперед вся машина.

Понятно, теперь, что за последнее время капиталистического господства роль банков, их значение, их деятельность возросли до чрезвычайности. Все больше и больше сумм капитала впитывают банки в себя. И все больше вкладывают они капитала в *промышленность.* Банковый капитал постоянно «работает» в промышленности, он сам становится промышленным капиталом. Промышленность начинает зависеть от банков, которые ее поддерживают и питают капиталом. Банковый капитал сращивается с промышленным. Вот такой-то вид капитала и называется финансовым капиталом. *Значит, финансовый капитал, это — банковый капитал, сросшийся с капиталом промышленным.*

Финансовый капитал через банки связывает все отрасли промышленности в еще большем размере, чем это делают комбинированные предприятия. Почему?

Предположим, что перед нами какой-нибудь крупный банк. Этот крупный банк дает капитал (или, как говорят, «финансирует») не одному, а очень многим предприятиям или многим синдикатам. Значит, он заинтересован в том, чтобы они не грызлись между собой: он их *об'единяет;* он ведет политику непрерывного связывания этих предприятий в одно целое под своим руководством, под руководством банка; банк *начинает держать вожжи от всей промышленности,* от целого ряда отраслей производства: доверенные люди банка назначаются директорами трестов, синдикатов, отдельных предприятий.

В конце-концов, получается вот какая картина: промышленность целой страны об'единена в синдикаты, тресты, комбинированные предприятия; все это об'единено банками; во главе всей хозяйственной жизни становится кучка крупнейших банкиров, которые управляют всей промышленностью. А государственная

власть целиком исполняет волю этих банковиков и синдикатчиков.

Таким образом, мы можем сказать, что капиталистическая страна при господстве финансового капитала сама целиком превращается в громадный комбинированный трест, во главе которого стоят банки, а исполнительным комитетом которого является буржуазная государственная власть. Америка, Англия, Франция, Германия и т. д., это—не что иное, как *государственно-капиталистические тресты,* могучие организации синдикатчиков и банкиров, которые эксплоатируют и управляют сотнями миллионов своих рабочих, своих наемных рабов.

Империализм

Финансовый капитал устраняет до известной степени анархию капиталистического производства в отдельной стране. На место дерущихся между собою отдельных предпринимателей все об'единяется в государственно-капиталистический трест.

Но как же тогда обстоит дело с одним из основных противоречий капитализма? Ведь, мы не раз говорили, что капитализм должен сломаться потому, что в нем нет организованности и потому что в нем существует классовая борьба. Но если одно из двух противоречий уничтожается, то, быть может, и предсказание относительно гибели капитализма ни на чем не основано?

Тут для нас главное сейчас вот в чем: на *самом деле* анархия производства и конкуренция не устраняются; или, лучше сказать, они устраняются в одном месте, чтобы тем резче проявиться в другом. Раз'ясним подробно этот вопрос.

Теперешний капитализм есть *мировой* капитализм. Все страны связаны друг с другом: одни покупают у

других. Нет теперь на земле таких мест, которые бы не попали под пяту капитала, и нет страны, которая бы все решительно производила у себя.

Теперь спросим себя: устраняет ли финансовый капитал конкуренцию на мировом *рынке?* Создает ли он *мировую* организацию тем, что об'единяет капиталистов в *отдельной* стране? И тут сразу видно, что нет. Анархия производства и конкуренция в отдельной стране более или менее прекращаются, потому что отдельные крупнейшие предприниматели об'единяются в государственно-капиталистический трест. Но зато тем больше разгорается драка между самими *государственно-капиталистическими трестами.* Ведь, так всегда бывает при централизации капитала: когда мелкая сошка гибнет, тогда, разумеется, *число конкурентов* уменьшается, ибо остаются одни крупные; но эти крупные и дерутся по-крупному; потом вместо конкурентной борьбы между отдельными фабрикантами начинается борьба между трестами. Число трестов, конечно, меньше, чем число фабрикантов. Но зато борьба здесь покрупнее — и пожесточе и разорительнее. Ну, а когда капиталисты в одной стране выбили из седла всех мелких и организовались в государственно-капиталистический трест, тогда число конкурентов еще более сократилось. Но зато *эти* конкуренты — громадной силы капиталистические державы. И их конкурентная борьба сопровождается такими небывалыми издержками и опустошениями, как никогда. Ибо конкуренция государственно-капиталистических трестов проявляется в «мирное» время в конкуренции вооружений, а в конце-концов в *опустошительной войне.*

Итак, финансовый капитал уничтожает конкуренцию в отдельных странах, но он на определенное время страшно ожесточает конкуренцию *между этими странами.*

Как это происходит? И почему эта конкуренция между капиталистическими странами, в конце-концов, приводит к *завоевательной* политике, к войне? Почему эта конкуренция не может быть мирной? Ведь, когда два фабриканта конкурируют между собой, они не лезут друг на друга с ножем, а перебивают друг у друга покупателя в мирной борьбе. Почему же конкуренция на мировом, всемирном рынке стала такой ожесточенной и *вооруженной?* На все эти эти вопросы нужно дать подробный ответ.

Тут нужно посмотреть прежде всего, как должна была изменяться политика буржуазии, вместе с переходом от старого капитализма, где процветала свободная конкуренция, к новому, где у власти стал финансовый капитал.

Начнем с так называемой *таможенной* политики. В борьбе между странами уже давно государственная власть буржуазии, охраняющая своих капиталистов, придумала средство борьбы в виде таможенных пошлин. Если, например, русские ткацкие фабриканты боялись, что их английские или немецкие конкуренты будут ввозить свой товар и собьют все цены в России, тогда готовое к услугам правительство накладывало пошлину на английскую и немецкую ткань. Это, разумеется, затрудняло доступ иностранного товара в Россию. Обыкновенно, фабриканты говорили, что таможенные пошлины нужны, чтобы защитить отечественную промышленность. Но если теперь приглядеться к разным странам, то можно сразу увидеть, что «умысел другой тут был». В самом деле, за последние десятилетия больше всех кричали о высоких пошлинах и накладывали их капиталисты самых крупных и сильных стран, во главе с Америкой. Неужели их могли обидеть иностранные конкуренты? — «Кто тебя, Кит Китыч, обидит? Ты сам всякого обидишь!»

В чем же дело? А дело вот в чем. Предположим, что ткацкое производство в какой-нибудь стране монополизировано ткацким синдикатом или трестом. Что тогда происходит, если вводится пошлина? Тогда капиталисты-синдикатчики этой страны убивают сразу двух зайцев: во-первых, они избавляются от иностранного соперничества: во-вторых, они могут без всякого риска повысить цены на свой товар почти настолько, насколько повышены пошлины. Положим, пошлина на аршин ткани повышена на рубль. Тогда ткацкие синдикатчики могут смело накинуть еще рубль или 90 коп. на аршин своего товара. Если бы не было *синдиката,* тогда конкуренция между капиталистами внутри страны сейчас же сбила бы цены. Если же над всем царствует синдикат, тогда он совершенно спокойно может эту надбавку сделать: иностранец не достанет, потому что и барьер пошлин повышен, а своего домашнего конкурента нет. Государство синдикатчиков получает от пошлины доход, а сам синдикат получает *лишнюю добавочную прибыль* от надбавки цен. Такая вещь возможна лишь тогда, когда есть синдикат или трест. Но этим дело не ограничивается. Синдикатчики, имея в своих руках эту добавочную прибыль, могут вывозить поэтому в другие страны свой товар и продавать там себе в убыток, лишь бы только выжить на чужих землях своих соперников. Они так и делали. Известно, например, что русский синдикат сахарозаводчиков держал в России сравнительно высоко цены на сахар, а в Англии продавал его за бесценок, лишь бы там уничтожить своих конкурентов. Даже поговорка сложилась, что в Англии русским сахаром кормят свиней. Значит, пользуясь пошлинами, синдикатчики могут изо всех сил *грабить своих земляков, чтобы завоевывать под свое господство иностранных покупателей.*

Изо всего этого проистекают крупные последствия. В самом деле, теперь ясно, что для синдикатчиков тем больше будет дополнительная прибыль, чем больше тех овец, которых можно стричь и которые окружены таможенной границей. Если таможенная граница охватывает небольшой кружок, тогда много не соберешь. Наоборот, если таможенная граница охватывает большое количество земель с большим населением, тут есть чем поживиться. Тогда дополнительная прибыль будет большая, тогда можно смелее действовать на мировом рынке, тогда есть надежда на крупный успех. Но, ведь, таможенная граница—это обыкновенно то же, что и государственная граница, как же расширить эту границу? Что это значит? Это значит охватить клок чужой земли, присоединить этот клок себе, *включить его в свою границу,* в государственный союз. А это и есть *война.* Значит, господство синдикатчиков обязательно связано с *завоевательными войнами.* Каждое разбойничье государство капитала стремится «расширить свои границы»: этого требуют интересы синдикатчиков, интересы финансового капитала. Расширять границу — это все равно, что вести войну.

Таким образом, таможенная политика синдикатов и трестов, связанная с их политикой на мировом рынке, приводит к ожесточеннейшим столкновениям. Но тут действуют и подталкивают к войнам также и другие причины.

Мы видели, что развитие производства ведет за собой постоянное получение накапливаемой прибавочной ценности. В каждой развитой капиталистической стране постоянно нарастает поэтому *излишний капитал,* который дает меньшую прибыль, чем в стране отсталой. Чем больше излишков капитала в стране, тем сильнее стремление *вывезти* капитал, приложить его в другой стране. Этому в сильнейшей степени способствует и таможенная политика. В самом деле,

таможенные пошлины очень препятствуют ввозу *товаров.* Если, скажем, русские фабриканты провели высокие пошлины на немецкие товары, это значит, что немецким фабрикантам труднее стало сбывать свой товар в России (мы говорим, конечно, о том, что было при господстве фабрикантов, а не при Советской власти).

Но если им стало труднее сбывать товары, у них есть другой выход: немецкие капиталисты начинают тогда вывозить свои *капиталы* в Россию; они строят фабрики и заводы, покупают акции русских предприятий или основывают новые, давая на них капитал. Мешают этому пошлины? Ничуть не бывало. Наоборот, не только не мешают, а *помогают,* служат *приманкой* для ввоза капиталов. И вот почему: когда этот немецкий капиталист имеет фабрику да ещё входит в «русский» синдикат, тогда *русские* пошлины *помогают ему получать добавочную прибыль;* они ему так же полезны в деле обирания публики, как и его русским коллегам.

Капитал вывозится из страны в страну не только в виде основания и поддержки предприятий в другой стране. Очень часто он дается *в ссуду другому государству* за определенный проц. (т.-е. другое государство увеличивает свой *государственный долг,* становится должником первого). В таких случаях государство-должник обычно обязуется также делать всякие займы (в особенности военные) у промышленников того государства, которое ссудило денежный капитал. Таким образом, из одного государства в другое переливаются громаднейшие капиталы, частью заключенные в предприятиях и сооружениях, частью в государственном долге. При господстве финансового капитала вывоз (экспорт) капитала достигает гигантских размеров.

Вывоз капитала опять-таки имеет большие последствия. Понятно, что разные сильные государства

начинают бороться за те земли или меньшие государствица, куда они хотят вывозить капитал. Но здесь нужно обратить внимание вот на что. Когда капиталисты вывозят капитал в «чужую» страну, они рискуют не партией товара, а громадными суммами, котрые считаются миллионами и миллиардами. Само собой разумеется, что у них является поэтому сильное желание маленькие страны, куда они этот капитал вложили, целиком прибрать к своим рукам, заставить свои *войска* охранять эти капиталы. А это значит, что у вывозящих государств появляется стремление во что бы то ни стало подчинить эти земли своей государственной власти, попросту эти земли *завоевать,* насильственно присоединить их к себе. А так как на эти слабенькие земли происходит наскок со стороны *разных* крупных разбойничьих государств, то понятно, что эти разбойники, в конце-концов, должны были столкнуться (и столкнулись) между собой. Значит, и вывоз капитала вел *к войне.*

Теперь примем во внимание и другие причины. Разумеется что синдикатскими пошлинами страшно обострилась борьба за рынки *сбыта товаров.* Свободных земель, куда можно было бы отправлять свои товары и где не сидело бы никаких капиталистов, почти не было уже к концу девятнадцатого века. А тут еще очень стало дорожать сырье: металлы, шерсть, лес, уголь, хлопок. В последнее время была дикая погоня за рынками сбыта и борьба за новые *источники сырья.* Капиталисты рыскали по всему свету в поисках новых рудников, новых залежей и новых рынков, куда можно было бы вывозить и металлические изделия, и ткани, и другие товары, и обирать новую «свежую» публику. В прежнее время часто в одной стране «мирно» конкурировали несколько фирм и, ничего, уживались. С господством банков и трестов дело, конечно, изменилось. Открыты новые залежи медной руды, положим.

Сейчас они попадают под пяту какого-нибудь банка или треста. Он забирает их *целиком,* он начинает владеть ими монопольно. Для капиталистов других стран тогда уже ничего не остается: «что с воза упало, то пропало». Так же происходит дело не только с источниками сырья, но и с рынками сбыта. Положим, что в какую-нибудь далекую колонию проникает иностранный капитал. Сбыт товаров здесь организуется сразу на крупнейший манер. Обычно, опять-таки, дело берет в свои руки какая-нибудь гигантская фирма, которая сразу открывает свои отделения и стремится путем давления на местную власть и тысячами разнообразных уловок и ухищрений *монопольно* забрать в свои руки весь сбыт, не допуская конкурентов. Оно и понятно: *монополистический* капитал, тресты и синдикаты и ведут себя по-синдикатски. Это не «добрые старые времена»: это борьба монополистических хищников и обирал.

Поэтому, с ростом финансового капитала, должна была обостриться и повести к крупнейшим столкновениям и борьба за рынки сбыта и рынки сырья.

За последнюю четверть девятнадцатого века крупные разбойничьи государства самым усиленным образом расхватывали чужие земли, принадлежавшие маленьким народцам. С 1876 по 1914 год, так называемые «великие державы» нахватали около 25 милл. квадратных километров (километр — около версты); другими словами, они награбили чужих земель столько, что их общая площадь будет вдвое больше целой части света — Европы. *Весь мир оказался поделенным* между крупными хищниками: все страны они превратили *в свои колонии,* в своих данников и рабов.

Этот грабеж обрушивался, понятное дело, сперва на маленькие страны, беззащитные и слабые. Они гибли прежде всего. Как в борьбе между фабрикантами и мелкими ремесленниками эти ремесленники погибли раньше всех, так и тут: крупные государства-тресты,

крупный разбойничий организованный капитал сокрушил, прежде всего, маленькие государства и подчинил их себе. Так происходила централизация капитала в мировом хозяйстве: мелкие государства гибли, крупнейшие хищные государства богатели, увеличивались в размере и могуществе.

Но когда они поразграбили весь мир, и когда борьба усилилась между ними самими, ясно стало, что начинается великая драка за *передел* мира между хищниками, борьба не на жизнь, а на смерть между оставшимися чудовищными разбойничьими государствами.

Завоевательная политика, которую финансовый капитал ведет за рынки сбыта, рынки сырья, за места для вложения капитала, называется империализмом. Империализм вырастает из финансового капитализма. Как тигр не может питаться травой, так точно финансовый капитал не мог, не может вести иной политики, кроме политики захвата, грабежа, насилия, войн. Каждое из финансово-капиталистических государств-трестов хочет по сути дела овладеть всем миром, образовать всесветную империю, где бы безраздельно господствовала кучка капиталистов победившей нации. Английский империалист, например, мечтает о «Великой Британии», которая владела бы всем миром, где английские синдикатчики держали бы под своей пятой негров и русских, немцев и китайцев, индусов и армян, — словом, сотни разных черных, желтых, белых и красных рабов. Англия уже и сейчас близка к этому. Но чем больше награблено, тем больше хочется. То же происходит и с другими. Русские империалисты мечтают о «Великой России», германские — о «Великой Германии» и т. д. Под этим «величием» разумеется грязный грабеж всех остальных.

Таким образом, ясно, что господство финансового капитала должно было повергнуть все человечество в кровавую бездну войн на пользу банкиров и синдикат-

чиков, — войн не за *свою* землю, а войн за грабежи чужих земель, войн за подчинение мира финансовому капиталу победоносной страны. Такой и была первая великая мировая война 1914—1918 годов.

Милитаризм

Господство финансового капитала, банкиров и синдикатчиков выразилось еще в одной примечательной вещи: в никогда невиданном ранее росте расходов на вооружения, росте армии, флота и воздушного флота. Оно и понятно. В прошлые времена ни одна разбойничья голова не могла и помышлять о господстве над всей землей. А теперь об этом империалисты думали всерьез. Никогда еще не было драк между такими чудовищно-сильными государствами-трестами. Само собой разумеется, что соответственно этому у этих государств отрастали и орудия этой драки, их вооруженная сила. Крупные державы захватывали чужое добро непрестанно и при этом постоянно оглядывались друг на друга: не укусит ли сзади сосед, такой же хищник. Поэтому каждая из них должна была иметь войска не только для колоний и против своих собственных рабочих, но и для борьбы со своими сотоварищами по грабежу. Вводит одна держава новую систему оружия—другая тотчас спешит ее обогнать, чтобы не остаться в накладе. Так начинается бешеная погоня вооружений, одно государство подгоняет другое. Растут гигантские предприятия и тресты пушечных королей: Путиловы, Круппы, Армстронги, Виккерсы и т. д. Эти пушечные тресты наживают колоссальные барыши, состоят в связи с генеральными штабами и всячески стремятся и с своей стороны подлить масла в огонь, разжигая всякие столкновения: ведь, от войн зависит благополучие их прибыли.

Такова была сумасшедшая картина капиталистического общества перед войной. Государства-тресты ощетинились миллионами штыков; на суше, на воде, в воздухе все было готово к всемирной потасовке; в число всех расходов государства на первое место все более и более выдвигались расходы на армию и на флот. В Англии, например, в 1875 году военные расходы составляли 38,6%, т.-е. немного больше трети, а в 1907—1908 годах—уже 48,6%, т.-е. почти половину всех государственных расходов; в Соедин. Штатах в 1903 году они составляли 56,9%, т.-е. изрядно *больше* половины. То же и в других государствах «Прусский милитаризм» процветал во всех крупных государствах-трестах. Пушечные короли грели себе руки. А весь мир катился с громадной быстротой к кровавейшей из войн, к мировой империалистической бойне.

Империалистическая война 1914—1918 г.г.

Из той империалистической политики, которую вели «великие державы», ясно вытекало, что рано или поздно они должны были столкнуться. Совершенно ясно, что именно эта грабительская политика *всех* «великих держав» и была причиной войны. Только дурачок может поверить теперь, что война возникла из-за того, что сербы убили австрийского принца, или, что Германия напала на Бельгию. В начале войны очень много спорили о том, кто виновен в войне. Немецкие капиталисты утверждали, что напала Россия; русские купцы барабанили всюду, что напала Германия. В Англии говорили, что Англия воюет, чтобы защитить маленькую пострадавшую Бельгию. Во Франции тоже писали, кричали, пели, какое благородство проявляет Франция, заступаясь за героический бельгийский народ. А в это же время в Австрии и Германии

распространялись, что Австрия и Германия защищаются от нападения русских казаков и ведут святую защитительную войну.

Все это от начала до конца было пустяком и *обманом трудящихся.* Этот обман был нужен буржуазии, чтобы заставить солдат итти на войну. Буржуазия не в первый раз прибегала к такому приему. Мы уже видели раньше, как синдикатчики вводили высокие пошлины, чтобы, грабя своих земляков, вести лучше борьбу на чужих рынках. Для них, значит, пошлины были средством *нападения.* А буржуазия кричала, что она хочет *защитить* «отечественную промышленность». То же и с войной. Суть империалистической войны, которая подчиняла мир господству финансового капитала, как раз в том состояла, что в ней *все нападали.* Теперь-то это яснее ясного. Царские лакеи говорили, что они «защищаются». Но когда Октябрьская революция взломала тайные министерские шкапы, там было документально обнаружено, что и царь, и Керенский, вкупе и влюбе с англичанами и французами, вели войну за грабеж, что они хотели взять чужой Константинополь, разграбить Турцию и Персию, отхватить у Австрии Галицию. Это теперь ясно, как дважды два—четыре.

Немецкие империалисты тоже разоблачили себя до конца. Стоит только вспомнить о Брестском мире, о том, какие грабежи они устраивали в Польше, Литве, Украине, Финляндии. Немецкая революция тоже кое-что приоткрыла, и мы теперь тоже документально знаем, что Германия готовилась к нападению ради разбоя и лелеяла мысль о захвате чуть ли не всех чужих колоний и земель.

А «благородные» союзники? И они разоблачены теперь до конца. После того, как они своим Версальским миром ограбили дочиста Германию, наложили 125 миллиардов контрибуции, отобрали весь флот, взяли

все колонии, пожрали чуть ли не все паровозы, угоняли дойных коров в счет уплаты контрибуции и так далее, разумеется, никто не поверит в их благородство. Да и Россию они грабят и с севера, и с юга. Значит, и они воевали *ради грабежа*.

Все это коммунисты-большевики говорили в самом начале войны. Но тогда мало кто верил. Зато теперь это видит всякий мало-мальски неглупый человек, Финансовый капитал, это — жадный кровавый разбойник, какой бы масти он ни был: русской, немецкой, французской, японской или американской.

Значит, в *империалистической* войне смешно говорить, что один империалист виновен, а другой нет; или, что одни империалисты нападают, а другие защищаются. Все это было придумано для обмана трудящихся. На самом деле все они *нападали* в первую голову на маленькие колониальные народы, все они лелеяли планы всесветного грабежа и подчинения всего мира финансовому капиталу своей страны.

Разразившаяся война должна была быть *мировой* войной. Понятно, почему. Ведь, мы знаем, что почти весь мир к тому времени был уже разобран по кусочкам и поделен между «великими державами», а все державы были связаны между собой в одно мировое хозяйство. Немудрено поэтому, что война захватила всех, оба полушария земли.

Англия, Франция, Италия, Бельгия, Россия, Германия, Австро-Венгрия, Сербия, Болгария, Румыния, Черногория, Япония, Соединенные Штаты, Китай, десятки других мелких государств, — словом, *почти все* были втянуты в кровавый водоворот. Население земного шара насчитывает приблизительно полтора миллиарда человек. И все эти полтора миллиарда испытывали прямо или косвенно бедствия войны, которую навязала кучка капиталистических преступников. Таких громаднейших армий, какие были выставлены

на суше, таких чудовищных орудий смерти мир никогда еще не видал. Не видал мир никогда и такой силы капитала. В самом деле, ведь, одна Англия с Францией заставили служить своему денежному мешку не только англичан и французов, но и многие десятки своих колониальных рабов, чернокожих, желтокожих и всяких иных. «Цивилизованные» разбойники пустили в ход чуть ли не людоедов, хотя из них они же вили веревки. И все это прикрывалось самыми благородными лозунгами.

Государственный капитализм и классы

Ведение империалистической войны отличалось не только своими размерами и своим опустошительным действием, но и тем, что *все хозяйство* страны, ведущей империалистическую войну, *должно было быть подчинено военным задачам*. Раньше воевать буржуазия могла, тратя только деньги. Мировая же война была так огромна и велась такими развитыми странами, что одних денег не хватало. Для этой войны нужно было, чтобы сталелитейные заводы только и делали, что лили пушки, одна чудовищнее другой, чтобы уголь вырабатывался в шахтах на войну, чтобы металлы, ткани, кожа и т. д. — все шло на войну. И, разумеется, тот из государственно-капиталистических трестов имел надежду выиграть, у кого производство и транспорт лучше обслуживали войну.

Как же этого добиться? Ясно, что этого можно было добиться только *централизацией всего производства*. Нужно было установить так, чтобы производство шло гладко, было бы хорошо организовано, было бы подчинено прямым указаниям военных, т.-е. генерального штаба, и точно выполняло бы все распоряжения лиц в эполетах и при звездах.

Как могла сделать это буржуазия? Очень просто. Для этого она должна была частное производство и

отдельные частные синдикаты и тресты передать в распоряжение своего буржуазного *разбойничьего государства*. Это и делалось во время войны. Промышленность «мобилизовалась» и «милитаризировалась», т.-е. отдавалась в распоряжение государства и военных властей. Как? — спросит кто-нибудь. Ведь, буржуазия тогда лишится своих доходов! Ведь, это национализация! Раз все передается государству, то при чем же тут буржуазия, и как она на такую штуку пойдет? Что буржуазия на это пошла, это факт. Но тут нет ровно ничего удивительного. Потому что здесь частные синдикаты передавали все не рабочему, а *своему,* империалистическому государству. А что же тут ужасного для буржуазии? Она просто перекладывает добро из одного своего кармана в другой; добра от этого нисколько не уменьшается.

Нужно постоянно помнить о классовом характере государства. Государство не есть какая-то «третья сила», которая стоит над классами, а есть классовая с головы до ног организация. При диктатуре рабочих это—организация рабочих. При господстве буржуазии эта—такая же *хозяйская* организация, как трест или синдикат.

Стало быть, когда буржуазия передавала частные синдикаты в руки *своего* (непролетарского, а своего разбойничьего капиталистического государства), она ровно ничего не теряла. Не все ли равно, будет ли получать фабрикант Шульц или Смит прибыль из конторы синдиката или из кассы государственного банка! Ничего не теряя, буржуазия *выигрывала.* Выигрывала она потому, что при такой централизации лучше всего шла военная машина, и повышалась вероятность успеха в войне за грабеж.

Немудренно поэтому, что почти во всех капиталистических странах во время войны стал развиваться

государственный капитализм на место капитализма частных синдикатов или трестов. Германия, например, одерживала победы и сумела долгое время выдерживать натиск гораздо более значительных сил своих противников только потому, что немецкая буржуазия сумела организовать очень хорошо вот этот самый государственный капитализм.

Переход к государственному капитализму совершался в разных формах, на разные лады. Чаще всего учреждались *государственные монополии* в области производства и торговли. Это значит, что производство и торговля становились государственными, переходили в руки буржуазного государства *целиком*. Иногда такой переход совершался не сразу, а только в известной доле. Это бывало тогда, когда государство покупало часть акций какого-нибудь синдиката или треста.

Тогда такое предприятие становилось наполовину государственным, наполовину частным, и государство буржуазии проводило там свою политику. Кроме того даже в предприятиях, оставшихся в частных руках, вводились обязательные правила: одни предприятия, скажем, *обязаны* были по новому закону покупать у других, а другие обязаны были им продавать в определенном размере и по установленной цене; государство вводило карточки на все важные продукты. Так, на место частного капитализма вырос государственный капитализм.

Государственный капитализм означает громадное усиление крупной буржуазии. Как при рабочей диктатуре, в рабочем государстве, рабочий класс тем сильнее, чем дружнее работают вместе советская власть, профессиональные союзы, коммунистическая партия и т. д., точно так же при диктатуре буржуазии она тем сильнее, чем более подтянуты одна к другой все буржуазные организации. Государственный капитализм, централизуя и превращая их в органы единой органи-

зации, способствует громадной мощи капитала. Именно здесь диктатура буржуазии празднует свой праздник.

Государственный капитализм, сплачивая и организуя буржуазию, увеличивая ее силы, натурально, страшно ослабил *рабочий класс*. Рабочие при государственном капитализме превращались в белых рабов разбойничьего государства. У них было отнято право стачек, они были мобилизованы и милитаризованы; всякого, кто выступал против войны, немедленно судили за государственную измену; во многих странах была отнята свобода передвижения, переход с одного предприятия на другое и т. д. «Свободный» наемный рабочий превращался в крепостного, обреченного умирать на полях сражений не за свое дело, а за дело врагов; обреченного работать до седьмого пота не ради себя, своих товарищей, своих детей, а на своих собственных угнетателей.

Крах капитализма и рабочий класс

Таким образом, война на первых порах способствовала централизации и организации капиталистического хозяйства. То, что не доделали синдикаты, банки, тресты, комбинированные предприятия, то стал спешно доделывать государственный капитализм. Он создал сеть всяких органов, регулирующих производство и распределение. Он подготовил, таким образом, в еще большей степени почву, чтобы пролетариат взял в свои руки централизованное крупное производство.

Но война, своею тяжестью навалившись на рабочий класс, неибежно должна была вызвать и возмущение *пролетарских масс*. Прежде всего она означала такую мясорубку, какой не видывала история. Производство трупов шло невероятно быстрыми шагами. Проле-

тариат *истреблялся физически на полях сражений.* По некоторым подсчетам, число убитых, раненых и пропавших только до 1 марта 1917 года доходило до *25 миллионов человек;* убитых по 1 января 1918 года было около *8 миллионов.* Если считать средний вес человека в три пуда, это значит, что капиталисты, за срок от августа 1914 года по январь 1918 года произвели двадцать четыре миллиона пудов гнилого человеческого мяса. Чтобы высчитать точно потери людьми, нужно было бы прибавить миллионы больных. Один сифилис, развившийся за время войны до неслыханных размеров, заразил чуть ли не все человечество. Люди после войны стали в несколько раз хуже; самые здоровые, трудоспособные элементы, цвет всех наций, были истреблены. И понятно, что в первую голову пострадали рабочий класс и крестьянство.

В крупных центрах воевавших государств образовались даже целые городки особенно уродливо исковерканных и изувеченных: без человеческого лица, с одной лишь черепной крышкой, в масках сидят эти несчастные обрубки, живое свидетельство буржуазной культуры.

Но пролетариат не только вырезывался в диких боях. На плечи живых взваливались неимоверные тяжести. Война требовала бешеных расходов. И в то время, как фабриканты и заводчики получали чудовищные барыши, специально прозванные «военною прибылью», на рабочих накладывались громадные налоги, которыми оплачивалась война. А расходы на войну были поистине чудовищны. Осенью 1919 года на мирной конференции французский министр финансов заявил, что война обошлась воевавшим *в триллион пять миллиардов франков.* Такое название даже не всякий знает. Раньше такими цифрами считали число верст от одной звезды до другой. А теперь ими исчисляются расходы на преступную бойню. Триллион,

это—миллион миллионов. Вот, во что обошлась война, затеянная капиталистами. По другим вычислениям, расходы на войну (в миллиардах рублей) были такими:

Стоимость I года войны		91
„ II „ „		136,5
„ III „ „		204,7
„ I половины IV года войны (31 июля—31 дек. 1917 г.)		53,5
	Итого	485,7

Конечно, с тех пор расходы на войну возросли еще более и достигли цифр, поражающих по своей величине. Такие расходы требовали огромных сумм для своего покрытия. И совершенно естественно, что капиталистические государства стали накладывать соответственные огромные налоги на рабочий класс: либо в прямом виде, либо облагая налогами товары, либо — когда и с буржуазии что-нибудь бралось — патриотически повышая цены на товары. Дороговизна росла, а фабриканты, в особенности работавшие на войну, загребали неслыханные барыши.

Главными предметами производства за время войны были: шрапнель, гранаты, динамит, пушки, броневики, аэропланы, удушливые газы, порох и т. д. Этого добра производилось неимоверное количество. В Соединенных Штатах выросли даже целые новые города около пороховых заводов. Эти города были наскоро сколочены, заводы построены наспех, так что нередко они взлетали на воздух: очень уж спешили производить порох и загребать деньгу. Немудрено, что пушечные и пороховые фабриканты получали громадные прибыли, и дела их шли блестяще. Но для народа от этого становилось все хуже. Ведь, настоящих предметов, которые можно было бы есть, носить и т. д., производилось все меньше и меньше. Порохом и пулями можно стре-

лять и громить, но ими нельзя питаться и в них нельзя одеваться. А все силы воюющих уходили на то, чтобы производить порох и прочие орудия смерти. Правильное, полезное производство все более исчезало. Рабочие руки уходили в армию, вся промышленность работала на войну. Полезных товаров становилось все меньше и меньше. Последствием этого явились *голод и дороговизна.* Голод на хлеб, голод на уголь, голод на все полезные предметы и при этом *мировой* голод и мировое *истощение* — таковы основные последствия преступной империалистической бойни.

В конце-концов стало разоряться без угля, стали и всего необходимого и военное производство. Страны всего мира, за исключением Америки, совсем обнищали: голод, разруха, холод стали гулять почти по всему земному шару. Совершенно понятно, что все эти бедствия особенно тяжко отражались на положении рабочего класса, который пытался протестовать. Но война обрушила на него всю силу буржуазных разбойничьих государств. Рабочий класс во всех странах — монархических и республиканских — стал подвергаться неслыханным преследованиям. Рабочие были не только лишены права стачек, но при первой попытке к протесту подавлялись самым беспощадным образом. Таким образом, господство капитализма привело к *гражданской войне между классами.*

Капиталистический строй стал трещать по всем швам. *Анархия производства* привела *к войне,* которая вызвала небывалое обострение между классами. Так война привела к революции. Капитал стал лопаться по двум основным направлениям. Наступила эпоха *краха капитализма.*

Рассмотрим несколько подробнее этот крах.

Капиталистическое общество было построено во всех своих частях по одному образцу: фабрика была организована так же, как канцелярия или как полки

империалистической армии: вверху — богатые, которые распоряжаются, внизу — бедные, рабочие и служащие, которые повинуются; между ними — инженеры, унтеры, средние служащие. Из этого видно, что капиталистическое общество может существовать только до тех пор, когда солдат-рабочий повинуется помещику-генералу или офицеру, дворянскому или буржуазному сынку; когда какой-нибудь курьер в канцелярии подчиняется богатому начальнику; когда фабричный рабочий исполняет приказание господина директора, получающего громадный оклад, либо самого фабриканта, выжимающего из рабочих прибавочную ценность. Но лишь только трудящиеся массы сознают, что они — простая пешка в руках своих врагов, тогда начинают рваться ниточки, привязывавшие солдата к генералу, рабочего к фабриканту. Рабочие перестают слушаться фабриканта, солдаты перестают слушаться офицера, служащие перестают слушаться своего богатого начальства. Наступает период падения *старой* дисциплины, где богатые повелевали бедными, где буржуазия вила веревки из пролетариата. Этот период (это время) продолжается неизбежно до тех пор, пока новый класс, пролетариат, не подчинит себе буржуазию, не заставит ее служить трудящимся, не наладит *новой* дисциплины.

Такая неразбериха, когда старое разрушено, а новое еще не налажено, кончается лишь с полной победой пролетариата *в гражданской войне.*

Гражданская война

Гражданская война есть обостренная классовая борьба, когда классовая борьба превращается в революцию. Мировая империалистическая война между разными группами буржуазии за раздел и передел мира велась руками рабов капитала. Но она взвалила

такие тяжести на рабочих, что классовая борьба стала превращаться в гражданскую войну *угнетенных против угнетателей,* которую еще Маркс называл единственно справедливой войной.

Совершенно естественно, что капитализм привел к гражданской войне и что империалистическая война между государствами буржуазии превратилась в войну между классами. Это предсказала наша партия еще в самом начале войны, в 1914 г., когда никто и не думал о революции. А между тем, было ясно, что неслыханные тяжести, которые взвалит война на рабочий класс, приведут к возмущению пролетариата. А с другой стороны, было ясно, что никакого прочного мира буржуазия дать не в состоянии, потому что слишком велики противоречия интересов между различными группами этих грабителей.

Все это сбывается теперь целиком. После страшных годов бойни, зверства и одичания началась гражданская война против угнетателей. Эту войну открыла русская революция в феврале и в октябре 1917 г., финляндская революция, венгерская революция, австрийская и немецкая революции продолжили ее, а потом начались революции в других странах... А в это время буржуазия явно не может дать прочного мира. Союзники победили Германию еще в ноябре 1918 г.; версальский грабительский мир они подписали только через много месяцев. Все видят, что этот версальский мир непрочен: уже после него дрались между собой юго-славяне и итальянцы, поляки и чехо-словаки, поляки и литовцы, латыши и немцы. А затем все буржуазные государства вместе нападали на республику победивших русских рабочих. Так империалистическая война завершается войной гражданской, из которой должен выйти победителем пролетариат.

Гражданская война не есть прихоть какой-нибудь партии или случайность: гражданская война есть выражение революции, которая обязательно *должна* была произойти, потому что грабительская империалистическая война окончательно раскрыла глаза широким рабочим массам.

Гражданская война ставит друг против друга, с оружием в руках, классы капиталистического общества с их противоположными интересами. То обстоятельство, что капиталистическое общество расколото на две части, что оно, в сущности, представляет из себя по меньшей мере *два* общества, — это обстоятельство в обычное время было скрыто. Почему? Потому, что рабы повиновались молча своим господам. Во время гражданской войны этому молчанию приходит конец, и угнетенная часть общества *восстает* против угнетающей. Само собой разумеется, что при таких условиях никакое «мирное сожительство» между классами невозможно: армия распадается на белогвардейцев из дворян, буржуазии, богатой интеллигенции и т. д., и на красных — из рабочих и крестьян; становится невозможным какое бы то ни было учредительное собрание, в котором заседают и фабриканты и рабочие вместе: как им сидеть «мирно» в учредилке, когда на улицах они стреляют друг в друга? Во время гражданской войны класс стоит против класса. Поэтому она может кончиться полной победой одного или другого, но не может кончиться соглашением, какой-нибудь середкой. И то, что мы видели в гражданской войне в России и в других странах (в Германии, в Венгрии), полностью подтверждает это: сейчас может быть либо диктатура пролетариата либо диктатура буржуазии и генералов. Правительство средних классов и их партий (эс-эров, меньшевиков и т. д.) есть лишь мостик к переходу в ту или другую сторону. Свалилось при помощи меньшевиков

Советское правительство в Венгрии, — сейчас же на смену ему пришла «коалиция», а потом старая монархия: удалось учредиловцам—эс-эрам захватить в свое время Уфу, Заволжье и Сибирь, — их в двадцать четыре часа выгнал адмирал Колчак, опиравшийся на крупную буржуазию и помещиков. А сам он осуществлял помещичье-буржуазную диктатуру вместо рабоче-крестьянской.

Решительная победа над врагом и осуществление пролетарской диктатуры — таков неизбежный результат гражданской мировой войны.

Формы гражданской войны и ее издержки

Эпоха гражданских войн открылась русской революцией, которая была лишь проявлением, началом общей, мировой революции. В России революция началась раньше, чем в других странах, потому что здесь раньше началось разложение капитализма. Русская буржуазия и русские помещики, которые метили на Константинополь и Галицию и, в числе прочих, заваривали кровавую кашу в 1914 году, по своей слабости и неорганизованности лопнули раньше: раньше появилась разруха, раньше появился голод. Поэтому русскому пролетариату легче было справиться со своими врагами как раз в России, и поэтому русский пролетариат одержал победу первым, и первым осуществил свою диктатуру.

Многие полагали, что *ожесточенность* гражданской войны есть следствие русской «азиатчины», русской отсталости. Противники революции в Западной Европе все время говорили, что в России процветает «азиатский социализм» и что в цивилизованных странах революция обойдется без жестокостей. Ясно было, однако, что это — пустяки. В развитой капиталистической стране сопротивление буржуазии должно быть

больше; в такой стране интеллигенция (техники, инженеры, офицеры и т. д.) связаны с капиталом крепче и потому гораздо враждебнее коммунизму; значит, в этих странах гражданская война должна неизбежно быть еще острее, чем в России. И, действительно, уже германская революция показала, что здесь борьба принимает еще более кровавые формы.

По мере того, как развивается гражданская война, она принимает и новые формы. Когда во всех странах пролетариат угнетен, он ведет эту войну в виде *восстания* против государственной власти буржуазии. Но вот, в одной или другой стране пролетариат победил и захватил в свои руки государственную власть. Что происходит в таком случае? Тогда к услугам пролетариата имеется организованная государственная сила, пролетарская армия, весь аппарат власти. Тогда пролетариат борется со своей буржуазией, которая против него устраивает заговоры и восстания. Но он борется тогда как государство с буржуазными государствами. Тут гражданская война принимает новую форму, форму настоящей классовой войны, когда пролетарское *государство* борется с буржуазными *государствами,* тут рабочие не просто восстают против буржуазии, а рабочее государство ведет правильную войну с империалистическими государствами капитала. Эта война ведется не за грабеж чужого, а за победу коммунизма, за диктатуру рабочего класса.

Так было и в действительности. После русской Октябрьской революции на русскую Советскую власть накинулись со всех сторон капиталисты *всех* стран: немецкие и французские, американские и японские и т. д. Чем больше русская революция заражала своим примером рабочих других стран, тем теснее сплачивался весь *международный капитал* против революции, пытаясь создать грабительский союз капиталистов против пролетариата.

Такую попытку сделали капиталисты по почину умного пройдохи и вождя американского капитала Вильсона на так называемой мирной конференции в Версале. Они назвали этот разбойничий союз «Лигой Наций», то-есть «Союзом Народов». В действительности же, это есть союз не народов, а *капиталистов* разных стран и их государственных властей.

Этот союз есть нечто вроде попытки создать всемирный чудовищный трест, который опутывал бы всю нашу планету, который эксплоатировал бы весь мир и, с другой стороны, который повсеместно подавлял бы самым свирепым образом возмущение рабочего класса и его революцию. Разговоры о том, что этот союз учреждается для дела мира — пустая басня. Настоящая его цель двояка: беспощадная эксплоатация всего мирового пролетариата, всех колоний и их колониальных рабов и удушение развивающейся мировой революции.

Чем сильнее натиск пролетариата, тем сплоченнее становится клика капиталистов. В «Коммунистическом Манифесте», в 1847 г., Маркс и Энгельс писали: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы соединилсь для освященной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские». С тех пор прошло много лет. Призрак коммунизма уже стал облекаться в плоть и кровь. И против него идет походом не только «Старая Европа», но весь *капиталистический мир*. Однако, «Лига Наций» не в *состоянии будет справиться с двумя своими задачами: организацией в единый трест всего мирового хозяйства и повсеместным удушением революции*. Даже между крупными державами нет полного единства. Америка стоит против Японии, и обе державы продолжают вооружаться. Смешно думать, что раздавленная Германия будет питать дружеские чув-

ства к «бескорыстным» грабителям Согласия. Значит, остается трещина и здесь. Малые государства воюют друг с другом. Но — что еще важнее — начинается ряд колониальных восстаний и войн: в Индии, в Египте, в Ирландии и т. д. Порабощенные страны начинают войну против своих «цивилизованных» европейских поработителей. К гражданской, классовой войне, которую ведет пролетариат против империалистической буржуазии, присоединяются восстания колоний, которые помогают подорвать и разрушить господство мирового империализма. Таким образом, система империализма трещит под напором восстающего пролетариата, войн пролетарских республик, восстаний и войн порабощенных империализмом наций с одной стороны, под влиянием противоречий и несогласий между крупными капиталистическими державами — с другой. Вместо «прочного мира» — полный хаос; вместо обуздания всего мирового пролетариата — жестокая гражданская война. В этой гражданской войне растут силы пролетариата и слабеют силы буржуазии. Ее концом неизбежно будет победа пролетариата.

Конечно, победа пролетарской диктатуры отнюдь не дается даром. Гражданская война, как и всякая другая война, стоит жертв людьми и жертв материальными ценностями. Всякая революция связана с такими издержками. Поэтому, разумеется, на первых порах, когда идет эта гражданская война, то разруха, вызванная империалистической войной кое-где обостряется еще более. Вполне понятно, что когда лучшие рабочие, вместо того, чтобы работать или организовать производство, стоят на фронте с винтовкой в руках и обороняются от помещиков и генералов, то от этого страдает фабричная жизнь. Понятно, что все разрушения в гражданской войне являются разрушениями, которые наносят вред. Понятно, что погибшие в ней товарищи это — драгоценнейшая жертва. Но

это неизбежно во *всякой* революции. Во время французской буржуазной революции 1789—1793 г.г., когда буржуазия сваливала французских помещиков, гражданская война сопровождалась большой разрухой. Но зато, когда помещики-дворяне были побеждены, развитие Франции быстрее пошло в гору.

Всякому понятно, что при такой громадной революции, как мировая революция пролетариата, когда ломается угнетательский строй, складывавшийся *веками,* издержки революции особенно велики. Мы видели, что гражданская война ведется сейчас в мировом об'еме; частью она переходит в войну буржуазных государств против пролетарских. Пролетарские государства, обороняющиеся от разбойников-империалистов, ведут классовую войну, действительно священную. Но она стоит жертв кровью и, чем шире эта война, тем больше жертв, тем больше продвигается вперед разруха.

Однако, издержки революции вовсе не являются доказательством *против* этой революции. Веками сложившийся капиталистический строй привел к чудовищной империалистической бойне, в которой были пролиты *моря* крови. Какая гражданская война сравнится с этим диким разрушением и исстреблением всего накопленного человечеством богатства? Ясно, что нужно, чтобы человечество *раз навсегда* покончило с капитализмом. Ради этого стоит перенести бремя гражданских войн, проложить дорогу коммунизму, который залечит все раны и быстро двинет вперед развитие производительных сил человеческого общества.

Всеобщее разложение или коммунизм?

Развивающаяся революция является *мировой,* благодаря тем же причинам, благодаря которым империалистическая война стала *мировой* империалистической

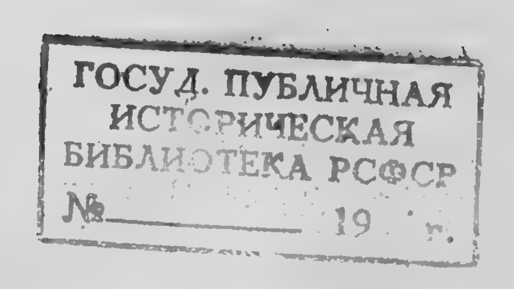
войной. Все главные страны связаны между собой, все страны были частями мирового хозяйства, все почти были вовлечены в войну и связаны этой войной на особый лад; во всех странах война произвела ужасные опустошения, вызвала голод, закабаление пролетариата; во всех странах она вызвала постепенное гниение и разложение капитализма, падение палочной дисциплины в армиях, на фабриках и заводах; и с такой же неотвратимой неизбежностью вызывает она коммунистическую революцию пролетариата.

Раз начавшись, разложение капитализма и рост коммунистической революции не могут остановиться. Распад капитализма начался. Всякая попытка поставить человеческое общество на старые капиталистические рельсы заранее обречена на полную неудачу. Это потому, что сознание пролетарских масс достигло такой высоты, что эти массы не могут, не хотят и не будут работать на капитал или убивать друг друга ради интересов капитала, колоний и т. д. Сейчас нельзя восстановить в Германии армии Вильгельма. Но точно так же, как нельзя восстановить *империалистической* дисциплины в армии, надеть хомут на пролетария-солдата и подчинить его помещику-генералу, точно так же нельзя сейчас добиться восстановления капиталистической дисциплины труда, заставить рабочего работать на хозяина или крестьянина на помещика. Новая армия может быть построена только пролетариатом. Новая дисциплина труда может быть осуществлена *только* рабочим классом.

Поэтому сейчас возможно что-либо одно из двух: либо всеобщее разложение, полный хаос, кровавая каша, дальнейшее одичание, беспорядок и действительная анархия, или же *коммунизм*. Все попытки водворения капитализма в стране, где уже однажды массы подходили к *своей* власти, подтверждают это. Ни финская буржуазия, ни буржуазия венгерская, ни Колчак, ни

Деникин, ни Скоропадский не могли наладить хозяйства, не могли создать даже своего, кровавого порядка.

Единственным выходом для человечества является коммунизм. И так как коммунизм может быть осуществлен только пролетариатом, то пролетариат в наше время является воистину спасителем всего человечества от ужасов капитализма, от варварской эксплоатации, колониальной политики, постоянных войн, голода, одичания и озверения, которые принесли с собою финансовый капитал и империализм. В этом — великое историческое значение пролетариата. Он может терпеть поражения в отдельных битвах и даже в отдельных странах. Но его победа неизбежна так же, как неизбежна гибель буржуазии.

5. Малоподготовленным товарищам, которым трудно работать над книгой в одиночку, можно рекомендовать **кружковое чтение вслух.** Но это не дает прочных результатов, поэтому следует повторять прочитанное дома.

Правила для совместного чтения те же, что и в одиночку.

ПОЛИТПРОСВЕТ ЦК РЛКСМ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящая книга является частью библиотечки „Второй круг чтения комсомольца“, выходящей под редакцией Политпросвета ЦК РЛКСМ. В библиотечку включены следующие 10 книг:

1. Н. Бухарин — От капитализма к коммунизму. Цена 22 коп.
2. Вольфсон — Экономические формы СССР. Цена 35 коп.
3. Л. Каменев — Почему необходимо поднять производительность труда. Цена 10 коп.
4. И. Сталин — О партии. Цена 6 коп.
5. История РКП. Цена 45 коп.
6. Против троцкизма. Цена 20 коп.
7. Л. Каменев — Год без Ильича. Цена 12 коп.
8. И. Сталин — О крестьянстве. Цена 6 коп.
9. А. И. Рыков — Деревня, новая экономическая политика, и кооперация. Цена 12 коп.
10. Ленин — Заветы. Цена 12 коп.

Цена всей библиотечки — „2-й круг чтения комсомольца“—1 руб. 70 коп.

Цена 22 коп.

В «1-й круг чтения комсомольца» входят следующие книги:

1. Л. Каменев — Ленин и его партия. Цена 9 коп.

2. Коммунизм и диктатура пролетариата. Цена 9 коп.

3. И. Сталин — О Ленине. Цена 4 коп.

4. Г. Зиновьев — Ленин и Коминтерн. Цена 5 коп.

5. Ленин — Каким должен быть комсомолец. Цена 5 коп.

6. Г. Зиновьев — Рабочий класс и крестьянство. Цена 9 коп.

7. И. Сталин — Лицом к деревне. Цена 4 коп.

8. В. Сарабьянов — Нэп. Цена 9 коп.

9. Коммунистический Интернационал Молодежи. Цена 9 коп.

10. Устав РЛКСМ. Цена 9 коп.

Цена всей библиотечки — „1-ый круг чтения комсомольца“ — 70 коп.

Заказы направлять в торговый отдел Издательства „Молодая Гвардия“: Москва, Новая площ., уг. М. Черкасского пер., д. 6/7.

